

Кристина Жураш

Ателье
мадам
Пижок

Кристина Юраш
Ателье Мадам Пикок

«Автор»

2023

Юраш К. Ю.

Ателье Мадам Пикок / К. Ю. Юраш — «Автор», 2023

Угодила замуж без своего согласия и ведома! Он не пропустит ни одной юбки. Я не пропущу ни одних штанов. Он – богатый кутила, владелец газеты, а я – простая швея Винаретта. И все бы ничего, только мой супруг влюблен в таинственную, эпатажную мадам Пикок. Ею увлечен весь высший свет во главе с самим принцем. Никто не знает кто она, никто не видел ее лица. И по счастливой случайности, это незнакомкой оказалась тоже я.

© Юраш К. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	27
Глава девятая	31
Глава десятая	34
Глава одиннадцатая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кристина Юраш

Ателье Мадам Пикок

Глава первая

Дверь ателье с грохотом распахнулась, словно кого-то застрелили. Я подпрыгнула от неожиданности при виде незнакомого дорого одетого разъяренного мужчины лет тридцати пяти, приближающегося ко мне со скоростью одно нехорошее слово в секунду.

Пока он шел, я узнала о себе много нового! Например, что мои покойные родители познакомились в борделе! Что я родилась весьма нетрадиционным способом. И что мою скромную профессию швеи пора сменить на более прибыльную и порицаемую обществом!

– Извините, ателье закрыто, – дернулась я от неожиданности, понимая, что только что вроде бы закрывала лавку на замок. – Сэр, если вы за панталонами, то приходите завтра!

Мне хотелось спросить, что хочет этот незванный гость, но в его глазах читалось, что он хочет постоять под роскошным зонтом на моих скромных похоронах.

– Драсте! – омерзительно сладострастно выдохнул незнакомец, изобразив на лице нечто похожее на приветливую гримасу, которая тут же исчезла.

Запах горьких мужских духов шлейфом, словно свита за королем, тянулся за небрежно накинутым камзолом с меховой опушкой. Камзол был кармино – красным, ярким и вызывающим. К тому же бесстыже сверкал драгоценными застежками. Под камзолом виднелся дорогой жилет с петличкой жениха.

А я-то думала! Тю!

– На стене все написано! – я успокоилась и лениво ткнула пальцем в инструкцию для нерадивых женихов. – Там, где брошка, там верх невесты. Где брошки нет, там низ! Вы хотите снять платье, но у вас слабые руки? Для женихов со слабыми руками – потайной крючок находится за розой! Для тех, кто потерялся в юбках – ваша задача найти хотя бы одну ногу. Где-то рядом есть вторая! Пункт назначения находится где-то между. Если вы туда стучитесь, а вас не пускают, то значит, это нижняя юбка. Всего хорошего! Действуйте!

Незнакомец остановился, с сомнением глядя на инструкцию, которую я лично рисовала несколько дней.

– Как думаешь, почему я здесь? – послышался вежливый вопрос. Но за это театральной вежливостью скрывалось желание убивать.

В голове наперегонки бежали мысли, одна опережая другую. Костюм! Он пришел за костюмом!

– Итак, – устало напряглась я, вспоминая, куда засунула готовые костюмы. – У вас какой размер?

– Внушительный, – с бесстыдством ответил незнакомец. – Если быть точнее, то двадцать два.

– Это детский, – махнула я рукой, собирая иголкой гармошку из ткани.

– Ну, значит, у кого-то детские неприятности! – снова бесстыже ответил незванный гость, стяхивая несуществующую пыль со своей драгоценной персоны.

Незнакомец остановился в двух шагах от меня, пока моя попа доедала стул. Его грудь вздымалась, а руки нервно сжимали сложенные перчатки, словно чью-то шею. Легкой смерти он не обещал. И милосердие было ему чуждо.

– Дамочка! Не могли бы вы позвать некую ...

Он достал бумажку и мельком подсмотрел в нее.

– ... Винаретту Браун, – тут же изменился в лице и в голосе незванный гость, изобразив приторную вежливость, но взгляд уже глумился над трупом.

– А кто ее спрашивает? – осторожно поинтересовалась я, понимая, что незнакомец не собирается уходить.

По спине пробежал неприятный холодок предвкушения неприятностей.

Первая мысль была о том, я где-то накосячила. Ну мало ли? Штаны сели после стирки, так что на его голос оборачиваются со словами: «Извините, девушка», пуговица на ширинке не расстегнулась в нужный момент. Ой, да мало ли что там может быть!

Мой взгляд бегло и цепко осмотрел незнакомца. Одет он был с иголки. И шила все это не я. Я успокоилась, и взглянула на незнакомца намного уверенней.

– Нет, она уже ушла, – соврала я этому сумасшедшему. – Ее проводит домой ее ... эм... муж! Знаете, от него даже темные переулки становятся светлей. А уровень преступности рядом с ним резко начинает спотыкаться и падает!

– Как недавно выяснилось, я – ее муж! – припечатал нехороший голос с ноткой досады. – Оказывается, я женился на ней вчера примерно в шесть вечера в часовне Бесподобного Елауария! Но узнал об этом десять минут назад. Во время собственной. Несостоявшейся. Свадьбы.

С минуту хлопали наперегонки открытая дверь и мои изумленные глаза. Какой брак? О чем это он?

Незнакомец отчеканил эти слова так, что мне стало не по себе. Яростным движением он вырвал цветы из своей петлички и бросил на пол, тут же растоптав их дорогим сапогом.

«Он просто пьян!», – успокоилась я, беря себя в руки.

– Ладно, я пошутила! Она уже ушла домой, – замылась я, искоса поглядывая на этого сумасшедшего. – Сегодня решила уйти пораньше! И... Только-только ушла! Может, вы ее еще догоните!

"А я закрою дверь!", – подумала я.

– А я уж было испугался, что ты и есть та самая ... Винаретта, – послышался небрежный голос, когда я только склонилась в вышивке. Резко подняв голову, я увидела, как незнакомец безглаголиво осматривает мое ателье и хмурит красивые брови.

– Неказистая серая мышь, – постановил он, мазнув меня пренебрежительным взглядом.

– Вы – тоже не красавец, – фыркнула я, разглядывая названного гостя. Его сложно было назвать красавцем, но было в нем что-то, что притягательное. Несмотря на холеную внешность и лоск, глаза у него были похожи на ледяные озера. Что-то вроде: «В среду нырнула, в субботу всплыла!». Что-то мне подсказывало, что три дня – это предел его пылкой любви. И по истечению такого невероятно долгого срока, девушки, утонувшие в его глазах, всплывают кверху брюхом, как глушения заклинанием рыба.

Но стоило незнакомцу улыбнуться, как его лицо тут же менялось. Черты лица преобразались, а в глазах появлялся дьявольский огонь. Лицо приобретало какие-то зловещие черты.

От таких мужчин пахло кожаными сидениями дорогих карет, пропитанных горьким парфюмом, дымом каминов роскошных домов, искрящимся шампанским и слезами соблазненных дам.

Я уткнулась в свое шитье, поведя уставшими плечами. Мне он ужасно не нравился, поэтому я решила демонстративно не обращать на него внимания. Поорет и перестанет.

Перекусив зубами нитку, я полюбовалась оборочками.

– Впрочем, я рад, что это не ты, – послышался задумчивый голос незнакомца, пока моя самооценка шипела на него, словно разъяренная кошка.

Названный гость подошел к огромному треснувшему зеркалу и поправил шелковый нашейный бант, скрепленный дорогой брошью.

«А уж как я рада!», – мысленно закатила я глаза, разглаживая аккуратную вышивку.

Я выдохнула, покачала головой и терпеливо ожидала, когда волшебные бусинки сами заскочат на иголку, чтобы тут же пришить их к корсету подвенечного платья.

Дверь открылась, я резко подняла голову. Надеюсь, этот сумасшедший решил уйти!

– Винаретта! Винаретта! – послышался задыхающийся голос с порога под трель разбуженного колокольчика.

На ручке двери висел молодой белокурый взъерошенный парень, работающий, кажется, мелким клерком в большом-большом банке.

– Как я рад, что ты еще не закрылась! – выпалил клерк, отдышавшись и расправив свой аккуратный, скромный и единственный сюртук. – Свадьба завтра!

Незнакомец резко обернулся, глядя то на посетителя, то на меня. Ай-ай-ай! Как нехорошо получилось!

– Но вы же говорили, что раньше четверга у нее не получится сбежать из дома? – обалдела я, бросая взгляд на недошитое платье. – Она собиралась сбежать от отца в четверг! А сегодня только вторник!

– Да, но завтра утром ее богатенький папашка уезжает по каким-то торговым делам! – обрадовал меня клерк, глядя просиявшим взглядом на готовые свадебные наряды. – И она сможет обвенчаться со мной тайно! А потом мы сбежим в Новенгард, купим ферму и будем жить там вдвоем! О, это такое счастье! Так что платью нужно назавтра!

Дверь закрылась, а я вздохнула. Все, меня рассекретили.

Надо мной нависла тень, заслоняя мне шитье. Я подняла глаза, готовясь к обороне.

– Так я и думал. Это ты – Винаретта Браун, мошенница, аферистка, охотница за чужими деньгами и к тому же еще и обманщица, – медленно произнес незнакомец, делая шаг ко мне. Половицы скрипнули, а я взглянула на утюг с очень темным прошлым. На его счету было уже четыре трупа.

– А ну марш отсюда! – рявкнула я, сжимая увесистый утюг.

Сверкающие бриллиантами пуговицы дорогого костюма жениха бросали солнечные зайчики в луче заходящего солнца. Темные брови сошлись на переносице, а рука в перчатке из тонкой кожи уже тянулась ко мне с целью задушить. Ближе, дружок, ближе...

– А как же «здравствуй, дорогой муж»? – гадко улыбнулся незнакомец, ловко хватая меня за руку, когда утюг чуть не обзавелся еще одним пятном на своей биографии.

Я попятилась и толкнула манекен, глядя с недоумением на золотые запонки и на шелковый нашейный бант с изысканной брошью.

– Вы сошли с ума! Отпустите немедленно! – дернулась я, разжимая его пальцы, схватившие меня за запястье, как воровку. – Иначе на ваших похоронах все будут спрашивать друг друга, что такое оверлок, и за что вас им убили!

Мои пальцы пытались дотянуться до оверлока, спрятанного среди обрезков ткани на столе.

– Значит так, мадам – аферистка! – отпустили меня, а глаза нехорошо сверкнули. Рука небрежно и нервно заправила темные волосы назад. – Или правильнее сказать миссис Охотница за чужими деньгами. Рассказывай, как так получилось, что посреди собственной свадьбы я узнаю, что, оказывается, уже женат! На некой Винаретте Браун! Швее из Тупикового переулка!

– Вы сразу укажите ваш рост! Я занимаюсь не только свадебными, но и похоронным костюмами! – пропиела я, вооружившись оверлоком.

Но и он не спас! Незванный гость был достаточно ловким, чтобы отобрать у меня и оверлок. Тот с грохотом упал на пол, завидуя утюгу. На счету оверлока были лишь тяжкие телесные повреждения.

– Да вы сумасшедший! – воинственно одернулась я, прячась за недошитое свадебное платье. – Помогите! Насилуют!!!

– Не хвастайся! В нашем случае нужно орать: «Помогите! Супружеский долг!», – послышался разъяренный голос, а я толкнула на него манекен с кружевной фатой и отбежала в сторону, вооружившись тяжелым утюгом.

Я кричала так пронзительно, что, казалось, меня было слышно даже в королевском дворце.

– Убивают!!! – крикнула я, в надежде, что мимо будет проходить кто-то сердобольный и отважный.

– Может, я мечтал побыть безутешным вдовцом! – с издевкой заметил все тот же разъяренный голос. Я ловко спряталась под стол с выкройками. Все, что было на столе, слетело с него на пол.

– Грабят!!! – вякнула я уже из-под стола.

– Не грабят, а делят семейный бюджет! – с издевкой заметил незнакомец, хватая меня за руку и таща в сторону двери.

Я не понимала в чем дело. Он явно сумасшедший!

– Пустите!!! – в отчаянии крикнула я, чувствуя, как меня вытаскивают на улицу. – Куда вы меня тащите! Пустите немедленно! Вы сошли с ума!

– В часовню Бесподобного Елауария! Сейчас все выясним! – послышался очень недружелюбный голос, а меня потянули за собой, но я схватилась руками за дверной косяк.

Я смотрела в холодные светлые глаза, на изогнутую насмешливо – удивленной дугой бровь и пренебрежительную улыбку.

– Если что, я даже готов извиниться перед вами...

С моих плеч с деланной заботой стряхнули пылинки.

Глава вторая

Меня силой провели мимо дорогой черной кареты с золотыми узорами. Возле кареты стояли загнанные кони, а сама карета лихо въехала на клумбу. За каретой тянулась пыльная оторванная гирлянда из белоснежных цветов, которыми обычно украшали свадьбы.

– Хозяин! Колесо застряло! – хрипло крикнул кучер, но мы прошли мимо.

Незнакомец перехватил меня за плечо, и брезгливо потащил в сторону часовни Бесподобного Елауария, которая находилась через дорогу от моей швейной лавки.

Это была маленькая часовня, сделанная из розового камня и украшенная любимыми цветами богини любви – розами. Со стороны она казалась совсем крошечной, но я знала, что внутри она была намного просторней.

Дверь в часовню бесцеремонно распахнулась. Я отпрянула, щурясь от белоснежного света, заливавшего алтарь любви.

– О, а вот и свидетели! – послышался спокойный и умиротворенный голос бесподобного Елауария, многократным эхом отраженный от мраморных стен.

Высокий, уже весьма немолодой жрец в белоснежных одеждах стоял за алтарем. На голове у него был веночек из роз, а перед ним раскрытая свечащаяся книга, в которую богиня вписывала имена всех тех, кто когда-либо заключал брак.

– И в болезни, и в здравии, и в радости, и в горе... – нараспев произносил жрец, косясь на жениха и невесту. – И на полу, и на стене, и в пыли, и в грязи... Согласен ли ты, жених сдувать пылинки с невесты? Не изменять ей с другими, пусть даже они покажутся красивее? Обходить стороной чужие пушистые соблазны?

– Согласен! – сипловато произнес мужской голос, пока мы громко шли в сторону бесподобного Елауария и скромной свадебной церемонии, состоящей из жениха и невесты.

– Тише вы! Это же часовня Богини Любви! – возмутилась я, слыша, как топает незнакомец. – Разве можно так шуметь в часовне!

– О, а мы оказывается, набожные! Не переживайте, я в эту ерунду не верю, – отмахнулся этот сумасшедший. – Раньше верил, но потом богиня меня сильно разочаровала.

– А вы, невеста, согласны украшать собой жизнь жениха? Валяться у него в ногах? Сносить все тяготы, невзгоды и пролитый на вас суп? Согласны ли вы защищать его от сквозняков и простуд. И безропотно, как и подобает жене, сносить то, что он по вам топчется? Готовы ли вы хранить верность ему, даже если придет гости? – невозмутимо спросил Елауарий.

В тишине часовни повисла пауза.

– Она согласна! – вместо невесты ответил жених. – Куда она денется?

Бесподобный Елауарий сложил руки на груди, вознес глаза в луч света, и с умиротворенной улыбкой произнес.

– Значит, так тому и быть! Властью данной мне Богиней Любви, объявляю вас мужем и женой. Теперь жених может предаться половой любви или повесить невесту на видном месте.

– Эх! – вздохнул плюгавенький жених, взваливая на плечо ковер. С ковра свисала марля – фата. – Теперь эти проклятые кредиторы от меня отстанут! Жену они не имеют права забирать! По закону!

При слове «кредиторы» я поежилась. Позавчера в полдень ко мне пришли двое неизвестных и сообщили, что если я не выкуплю помещение, его передадут типографии местной газеты. А вчера в этой самой газете появилась огромная разгромная статья на первой странице, которая начиналась словами: «Она обшивает ваших беглых дочерей, которые выходят замуж за беглых каторжников!».

– Вы стали свидетелями брака, – послышался тихий и умильный голос Елауария, обращенный к нам. – Оставьте свои подписи в великой книге любви.

Перед нами появилось золотое перо, а сумасшедший взял его в руку и написал небрежно и размашисто: «Мистер и Миссис Моль!».

– Как вы можете, – задыхнулась я, глядя на столь вопиющий акт лжи и пренебрежения. – Это же великая книга любви... В вас нет ничего святого!

– Нет, почему же, есть! Только нужно тщательно поискать! – многообещающе заметил незнакомец, все еще крепко держа меня за плечо, словно я вот-вот убегу. Он опустил взгляд на свои дорогие штаны и нахально усмехнулся.

– Ну я уже поняла, что вы каждый день молитесь, чтобы он низко не пал в нужный момент! И вообще! Отпустите меня! – ядовито уколола я, срывая его руку со своего плеча и гордо вскидывая голову.

– Драсте, – сладострастно выдохнул этот сумасшедший, улыбаясь той самой развратной улыбкой. Но бесподобный Елауарий не был женщиной, поэтому ни капельки не смутился этой порочной улыбке, в которой читались развратные оргии, обильные возлияния и много чего такого, от чего волосы вставали дыбом.

– Богиня любви приветствует вас в своей скромной обители, – смиренно произнес Бесподобный Елауарий, глядя на нас с неизменной любовью. – Она всегда рада агнцам своим...

– Пусть радуется агнцам, а мне можно не радоваться. Итак, как выяснилось, мы – муж и жена! – произнес незнакомец, бесцеремонно положив руку на волшебную книгу. – И были обвенчаны здесь!

Его палец ткнул в светящуюся страницу.

– Буквально вчера! – незнакомец мазнул меня пренебрежительным взглядом. – Только вот что странно. Я про это ничего не знаю. Не можете ли пролить свет на эту тайну?

– Винаретта Браун, – напомнила я, с тревогой глядя на светящиеся страницы священной книги любви, которую благоговейно перелистывал Бесподобный Елауарий.

– Сейчас посмотрим, – спокойно произнес старый жрец, бережно переворачивая страницу за страницей. В храме пахло розами и какой-то свежестью.

– Вчера! – напомнил незнакомец, нервно поглядывая на золотые часы.

– Простите, я просто люблю листать страницы священной книги любви! – сознался Бесподобный Елауарий. – Да простит мне богиня маленькую слабость!

– Богиня, может, и простит! Я не прощу! – незнакомец решил не церемониться, и тут же ткнул пальцем в книгу. – Вот!

– И правда! Вот! Винаретта Браун! Вчера в шесть часов вечера вышла замуж за ... Дитриха Бергендаля! – заметил жрец, удивляясь и глядя на нас.

– За кого? – ужаснулась я, вспоминая, кем было подписано письмо про выкуп помещения. Я покачнулась на ногах, а потом заглянула в книгу любви.

– Дитрих... Бергендаль... – прочитала я, косясь на незнакомца.

Сердце оборвалось, а я с ужасом посмотрела на чужую перчатку.

– Так это вы! Вы – владелец той самой газеты, которая опорочила меня! – задыхнулась я, жалея, что нехватила сантиметр, которым уже туго измерила несколько шей.

– Так, давайте уладим, этот вопрос, – Дитрих приторно улыбнулся, доставая набитое деньгами портмоне.

Он поднял глаза, глядя на свет, который заливал книгу. Он соорудил такое лицо, словно молится богине любви каждый день, а потом опустил взгляд, высыпая на книгу сверкающее золото.

Одна золотая монета со звоном упала на розовый мрамор и покатила в сторону одиноких скамеечек, затерявшись в полумраке.

– Кажется, богиня любви моргнула. Никто не заметил? Нет? – елеинным голосом заметил Дитрих, с шуршанием пряча портмоне во внутренний карман и театрально осматриваясь по сторонам. Он театрально осмотрелся и смиренно вздохнул.

– О чем это вы? Да разве можно? – ужаснулся Бесподобный Елауарий. – О, великая богиня, прости это заблудшее сердце!

– Между прочим, я очень рьяный служитель богини любви! Я служу ей изо всех сил! Не жалея себя! – наседа на него Дитрих, не желая отступить. – Каждую пятницу я дарю любовь всем несчастным, лишенным любви девушкам! Без сна и отдыха! Всю ночь!

Я отошла от него подальше на всякий случай, вспоминая, какие пикантные болезни передаются от «подышать рядом».

– Так как на счет «развести»? – намекнул Дитрих, делая многозначительный знак бровями.

– Значит, развести? – заметил Бесподобный Елауарий, глядя на золото. – Ну хорошо. Я разведу вас!

– Так бы сразу, – буркнул Дитрих, снова осматривая красивый розовый храм.

– Брак у вас заключен, а церемонии не было! Не порядок, – смиренно произнес Бесподобный Елауарий, глядя на деньги. – Сначала нужно провести церемонию. А уже потом просить богиню о милости расставания.

– Я так понимаю, что хуже уже не будет. Имена и так вписаны. Хорошо, только побыстрее! Меня там невеста ждет! – небрежно произнес Дитрих, снова доставая из нагрудного кармана золотые часы и тут же хмурясь.

Бесподобный Елауарий вздохнул и медленно побрел в сторону сундука, откуда достал ружье. Он ловко перезарядил его, переломив через коленку, а потом поставил его рядом с узким окном, выходящим на дорогу.

– Чего так медленно? – нетерпеливо подгонял Дитрих, поглядывая на часы.

– Зал нужно подготовить к церемонии, – смиренно произнес Бесподобный Елауарий. – Незваные гости со стороны невесты планируются? Разъяренный отец, взбешенный брат, обморочная маменька будут?

– Нет, – замотала я головой, видя, как Елауарий пожимает плечами.

– Значит, жених может не надевать доспехи, – заметил жрец, доставая из сундука разбитый доспех, сохранивший следы многочисленных ударов. Несколько сквозных дыр на нем свидетельствовали, что жених сдержал обещание и любил невесту до гробовой доски.

Старый жрец неспешно побрел к потайной двери и проверил, как быстро она открывается.

– Так, цепи – колодки есть? – спросил Елауарий, доставая масло для смазки. – Смазывать надо? Если что есть отмычки. Но только на время церемонии? Нет? Ладно. Скамеечку для жандармов ставим? Жандармы со стороны жениха будут? Нет? Ну, нет, так нет!

Он мелкими шажочками с тяжелым вздохом направился к дверям, закрывая их на засов. Сквозь дыры, оставленные пулями жандармов, ревнивых женихов, рассерженных отцов, проникали последние лучи солнца.

– Какая скучная у вас свадьба, – заметил он, проверяя все затворы и подтирая тряпкой следы крови на полу. Бесподобный Елауарий наклонился и что-то взял с пола. Сначала я подумала, что это та самая монетка.

– Зуб, – вздохнул он, подходя к банке с зубами и бросая его остальным.

Бесподобный Елауарий, как и я, видел в жизни многое. Через мое ателье однажды пробежала целая банда во главе с женихом, отстреливаясь от жандармов. Они взяли в заложники манекен и требовали выкуп. Я выкупала их в отборной брани и отобрала манекен с недошитым свадебным платьем. И уложила одного утюгом.

Однажды в моем ателье две недели жил чей-то жених, умоляя его спрятать от расправы родственников невесты. Он прятался за шторкой и под столом, все время вздыхал, выглядывая в окно, где дежурили суровые братья поруганной невесты, свирепо поглаживая заряженные

магической дробью ружья. Поэтому в том месяце в свадебную моду вошли платья с вентиляцией в виде дыр.

Месяц назад ко опять мне залетел чей-то жених. Он долго боялся выйти на улицу, но я помогла ему преодолеть страх прицельным ударом утюга по темечку. Родственники невесты схватили его бесчувственное и утащили обратно в храм, на ходу споря, кто будет держать жениха и кивать его головой во время церемонии.

А буквально на днях я соорудила свадебное платье для коровы, изодрав всю фату о рога и юбку для козы. Фермер – должник изъявил желание стать многоженцем!

– Дорогие жених и невеста, – послышался умиротворенный голос Бесподобного Елауария.

Сухонькая рука предложила нам занять место перед алтарем. Я стояла в недошитом свадебном платье, нехорошим взглядом глядя на «жениха».

– В этот знаменательный день мы собрались здесь, чтобы сочетать узами законного брака для любящих сердца.

Отец Елауарий посмотрел на нас с любовью.

– Согласен ли ты, жених, и в горе и в радости... – начал нараспев жрец.

– Да, согласен! Поживее! – махнул рукой Дитрих, скривясь и шумно вздохнув. – Можно ускориться!?

– И в тюрьме, и на воле, и с простреленной ногой, уползая от разъяренного отца невесты, избитый братьями невесты до состояния овоща, любить свою жену?

Глава третья

– Согласен! – закатил глаза нетерпеливый жених, сверяя планы с золотыми часами. Или планы отставали от часов, или часы от планов, но Дитрих выглядел крайне недовольным.

– Обещаете ли украсть для нее все, что она попросит? Обещаете ли вы сбежать с каторжных работ, перебив охрану? Обещаете ли вы терпеливо ждать, когда она отпустит последнего клиента в борделе? Обещаете ли вы любить невесту чистой искренней любовью, когда ее строгий отец, узнав о вашем браке, оторвет вам достоинство голыми руками? – продолжал Бесподобный Елауарий.

– Обещаю! – торопил жених, закатывая глаза. – Быстрее!

– А вы, дорогая невеста! – спокойно обратился ко мне Бесподобный Елауарий, никуда не торопясь. – Согласны ли вы любить своего мужа и в болезни, и в здравии, и на воле, и в тюрьме?

– Согласна, – выдохнула я, в надежде, что все это закончится. Меня мучил вопрос. Как наши имена попали в книгу любви?

– Обещаете ли вы прятать его от жандармов, когда они будут обыскивать дом? Обещаете ли вы дожить до его возвращения с пожизненных каторжных работ? Обещаете ли вы ухаживать за ним и дуть на рану, если ваш отец отстрелит ему яйца, а ваши братья сломают ему ноги? Обещаете ли вы блюсти ему верность в редкие минуты перерыва между клиентами? – умилительно спросил Бесподобный Елауарий, заглядывая мне в глаза.

– Обещаю, – прошептала я, глядя на свет, который лился откуда-то сверху. Удивительным было то, что свет лился всегда, вне зависимости от времени суток. Яркий, чистый, как сама любовь.

– Тогда властью данной мне богиней любви, объявляю вас мужем и женой! – вздохнул Елауарий. – И чтобы скрепить брак, обменяйтесь поцелуем.

В этот момент свет стал ослепительно – розовым, а откуда-то сверху посыпались лепестки. Не может быть! Впервые такое вижу! Это ... Это настоящее чудо!

Дитрих склонился ко мне. Я расширила глаза, не зная как себя вести. Неужели он будет целоваться? Бе! Пусть только попробует! Я сморщилась, глядя на него с опаской. Нет! Все – таки поцелует! Ладно, я согласна на поцелуй... Потерплю, как – нибудь. Лишь бы это быстрее закончилось.

– Тьфу на тебя, – дунули мне в полуоткрытые губы, вместо поцелуя. Я открыла глаза, видя нахальную улыбку и снисходительный взгляд.

В этот момент мне захотелось убить его на месте.

«Каждый человек, чтобы он не совершил, заслуживает любви», – прочитала я надпись над алтарем, когда лепестки роз обильно сыпались нам на головы.

– Заслуживает, посмертно, – прошептала я, глядя с яростью дикой кошки на новоявленного мужа.

– Так, все! – не выдержал Дитрих, брезгливо стряхивая лепестки роз со своих плеч. – Теперь развод! Что нужно сделать, чтобы развестись? Время! Я опаздываю!

– Для начала нужно придумать причину, по которой вы собираетесь разрушить священные и нерушимые узы любви! – смиренно вздохнул Елауарий, любуясь нашими именами в книге. – И если богиня посчитает причину веской, то она снимет с вас брачные узы! И ваши имена исчезнут в ее книге.

– Дорогая богиня! Мы не сошлись характерами! – громко произнесла я, глядя вверх. – Я не люблю его! Он не любит меня!

Ничего не произошло. Все тот же белый свет падал на священную книгу, в которой все еще были вписаны золотом наши имена.

– Ты же видишь, что не подходит! – одернули меня. – Нужно что-то посущественней! Эй! Бесподобный, что посоветуешь?

– Посоветовать? Это я могу! Не покупайте розовое масло у брата Апполинария. Он мне хоть и брат, но масло разбавляет, – вздохнул Бесподобный Елауарий, собирая лепестки на полу. Он упорно делал вид, что не слышит нас. – Вы просили совет? Вот вам и совет!

– Я его ненавижу! Как вижу его рожу, так меня тошнит! – крикнула я вверх, в надежде, что наши имена исчезнут из книги раз и навсегда.

– Что?! Ты себя в зеркале видела? – возмутился Дитрих, глядя наверх. – Слышишь, богиня! Я отказываюсь спать с женой! Я не подаю милостыню «любовномалоимущим»! А еще, я буду изменять каждый день! Да меня дома не бывает! То оргии, то кутеж! Ни одной юбки не пропущу!

– Что?! – опешила я, сжимая кулаки. – Это я ему буду изменять каждый день! Каждый день со страшной силой! Не пропущу не только ни одной юбки, но и ни одни штаны, ни один китель, ни один фартук!

– Ничего себе, – заметил муж, глядя на меня с интересом. – Мадам, а вы еще та извращенка!

– Я не извращенка! Я – портниха! – отмахнулась я. – Я буду сутками пропадать на работе! И у меня всегда будет болеть голова!

– Я собираюсь проиграть ее в карты! – снисходительно заметил «жених», поглядывая на меня.

– А я дам мужа на сдачу за пришитую пуговицу! – фыркнула я, чувствуя, что готова вцепиться в эту самодовольную рожу и начистить ее как следует.

– Я буду напиваться каждый день! – гадким голосом заметил Дитрих, глядя наверх.

– А я не смогу опознать его труп в канаве! – отозвалась я, заглядывая в книгу в надежде, что что-то поменялось.

– Я буду водить любовниц домой! – вошел во вкус «муж», глядя на волшебный свет.

– А я клиентов! – выкрикнула я, но богиня молчала. – И день, и ночь буду строчить на машинке «тук-тук-тук-тук!».

– Я не хочу детей! – крикнул муж, морщась от яркого света.

– А у тебя их и не будет! – многообещающе заметила я, делая вид, что что-то откручиваю в воздухе рукой.

– Да что ты будешь делать! – послышался недовольный и ужасно раздосадованный голос рядом.

– Значит, такова воля богини любви, – смиренно произнес преподобный Елауарий, рассматривая с благоговением лепестки роз. – Значит, вам суждено быть вместе!

– Что?! – переглянулись мы.

– А как же развод? Ты обещал! – яростно произнес Дитрих, сузив глаза. Он сделал решительный шаг вперед, словно желая призвать к ответу старого жреца.

– Так я вас уже развел, – вздохнул Бесподобный Елауарий, пересчитывая золото. – Развел по полной, как вы и просили, дети мои. Развел, как детей на жертвоприношения на нужды храма. Идите с любовью! Ептить! Капец-капец-капец!

Дитрих выругался, посылая Бесподобного Елауария в места неприличные, но весьма популярные.

– Благодарствую, – умиротворенно вздохнул Бесподобный. – Я как раз собирался в паломничество любви!

Первой опомнилась я, решительно направляясь в сторону выхода.

Подобрав платье, я вышла на улицу, с ужасом глядя, как на руке появляется волшебное обручальное кольцо. Сердце сжалось, а я попыталась его содрать, но оно прочно засело на

безымянном пальце. Мне пришлось попробовать зубами, но кольцо не поддавалось, как я его не тянула!

И тут я подняла глаза и увидела черную карету, из которой ловко выпрыгнули две мрачные и таинственные личности. Мне стало как-то неуютно! Тайная канцелярия? Здесь? Ой, мамочки! Я, наверное, пойду другой дорогой.

Но было поздно! Нас уже заметили.

Оглядываясь воровато, пряча лица за высокими воротниками и широкополыми шляпами, мрачные и таинственные личности двигались нам навстречу.

– Честь имею, – послышался грубый голос из-под капюшона, когда я испуганно сделала шаг назад.

– Драсте! – услышала я сладострастный голос Дитриха позади себя. Но голос тут же изменился. – Честь имеете, но совести ни грамма! Итак, что тайная полиция делает здесь? Приехали поздравить? Неужели вам так мало платят, что вы зажали скромный букетик в качестве поздравлений?

Что он несет! Это же Тайная Канцелярия!

– Мы привезли вам букет неприятностей! Нам приказано сопроводить вас обоих к его величеству. Немедленно! – послышался недовольный голос представителя закона.. – Если окажете сопротивление, вас приказано доставить силой.

Нам тут же перегородили путь.

– Простите, а по какой причине? – робко спросила я, чувствуя восстание мурашек на попе против диктатуры крепких нервов!

Ответить мне не успели. На пороге храма появился Бесподобный Елауарий в своей скромной жреческой робе. Он смотрел на мир с блаженной улыбкой познавшего истину человека.

– Я как раз вас ждал, – обрадовался Елауарий, глядя на Тайную Канцелярию.

– Нас? – переглянулись черные капюшоны. Два крепких молодчика стояли напротив нас.

– Вы на восемь? Венчание? Ну, проходите, дети мои, – смиренно произнес он, глядя на двух представителей тайной полиции. – Только сразу скажите, кто из вас жених, а кто невеста, чтобы я не перепутал случайно, а то со мной такое бывает!

Глава четвертая

– Да вы что! – отпрыгнули друг от друга представители тайной полиции, словно были едва знакомы.

– Пути богини любви неисповедимы, а любовь – многолика, – вздохнул Бесподобный Елауарий, поднимая руки ладонями вверх. Казалось, что на него сейчас упадет луч света. – Если надумаете, то не стесняйтесь. Двери моей часовни всегда открыты для любящих сердец.

– В карету! Живо! – послышался грубоватый оклик. Мне на плечо легла рука в черной перчатке, а меня повели в сторону кареты, которая зловещим черным пятном застыла на грязной улице.

– Полегче, господа. На такой костюмчик вам еще пять лет воровать, – нахально заметил Дитрих, приподнимая руку в черной перчатке и брезгливо скидывая ее со своего плеча. Он с омерзительной улыбкой отряхнул пыль с того места, где только что лежала требовательная рука служителя закона.

Нас молча повели в сторону кареты, стоящей возле моей лавочки. Всем своим мрачным видом и плотно задвинутыми шторами карета пугала меня до судорог.

– Да но... – возмутилась я, перепугано глядя на зловещую карету. – Простите, но я...

– Прошу, дорогая! – послышался голос за спиной, а мой новоявленный муж буквально втолкнул меня в карету.

Я едва не упала, но тут же присела и забилась в самый уголок, видя, как рядом со мной присаживается одна из тех темных и таинственных личностей.

Дитрих развалился напротив меня, потеснив своего конвоира в самый уголок.

– Считаю, это свадебным путешествием, – заметил он, пренебрежительно отгибая занавеску. Он посмотрел на волшебное кольцо на своем пальце, подышал на него и потер о камзол.

Чтобы отвлечься от страшных мыслей, всю дорогу я пыталась вспомнить, как наши имена могли оказаться в книге? Я помню, как в расстроенных чувствах, исповедовалась Бесподобному Елауарию, умоляя богиню любви заранее простить пару грабежей, убийств и наглый шантаж. А как по – вашему скромной швее, получающей шесть риалей в неделю, чтобы тут же отдать за аренду лавки четыре, раздобыть десять тысяч риалей на выкуп лавки?

Может, это та самая помощь богини, которую я просила?

Карета резко остановилась, а я не удержала равновесие и качнулась вперед, едва не упав между широко расставленных ног моего новоиспеченного мужа. Он удивленно посмотрел на меня, раздвинув ноги шире.

– Осторожней, дорогая, – послышался голос с притворной заботой. Он театрально осмотрелся по сторонам. – Не здесь. Дождись, когда мы останемся одни.

– Да что вы говорите! – возмутилась я, осторожно выходя из кареты. Огромный дворец тонул в ночном мраке, мерцая желтыми огнями горящих высоких окон. Откуда-то ветер принес запах цветов, похожий на запах духов. В темноте кто-то жутко кричал страшным голосом, словно рядом где-то была пыточная.

– Сюда! – грубо скомандовали нам, пока я на негнущихся от страха ногах штурмовала широкую лестницу под эти ужасающие звуки.

Я давно не была в королевском дворце, поэтому с удивлением смотрела, как сильно здесь все изменилось. Раньше он казался намного роскошней. Все вокруг было покрыто золотом. Сейчас он выглядел немного проще и скромнее. Позолота осталась только в светильниках, вензелях и дверях. Одна из таких дверей открылась, приглашая нас пройти дальше по алым коврам.

– Пропустить! – послышался голос перед нами.

Стража в полосатых желто-фиолетовых костюмах расступилась, замерев, словно статуи. Роскошные двери снова отворились, а я шагнула в гулкий холл. Ковры кончились. Под ногами была отполированная до блеска плитка.

Во дворце пахло булочками и духами. Слуги занимались своими делами, а я мысленно завидовала им. Не их же ведет тайная канцелярия!

Я разглядывала высокие потолки, щедро украшенные отвалившейся позолотой, сжимая кулаки и умоляя, чтобы на этот раз все обошлось.

– Шустрее! Перебирай ногами! – окликнули меня, пропуская в огромный пустой зал. На том конце зала виднелся трон возле которого стояли два золотых подсвечника. В отличие от торжеств и праздников, когда весь тронный зал был залит огнями и наполнен пестрыми гостями, сейчас в нем было как-то сумрачно и тихо.

На троне восседал сам король.

– Итак, – недовольным голосом заметил король, пока слуги зажигали остальные свечи. – Это что за новости?

Я впервые видела его так близко! Вместо сверкающей короны при свете свечей сверкала королевская лысина. Пока что она отлично справлялась со своими обязанностями. На короле был халат, расшитый золотом, а причесанные бакенбарды были разложены волосок к волоску.

Мне показалось, что еще недавно его величество готовилось ко сну, но срочная новость выдернула его из-под теплого одеяла.

Король был уже весьма немолод. Слегка отекий, местами обрюзгший, он слабо напоминал красавца – принца, которого до сих пор рисовали на дорогих конфетах, посвященных дню его коронации.

– Драсте, – послышался сладострастный выдох. Я с ужасом обернулась на мужа, видя, как его лицо озаряет улыбка, а в глазах вспыхивают дьявольские огоньки. Как так можно! Это же сам король!

– Как это понимать! – продолжал негодующий король, отказываясь жестом от короны, которую ему несли на бархатной фиолетовой подушке. – Передай, чтобы покормили павлинов! А то они опять орут!

Так это орут павлины? А я думала, кого-то пытаются! Ну и дела!

Позади короля стоял один из мрачных представителей тайной канцелярии. Судя по очень внушительной фигуре – телохранитель. Массивный, крупный, широкоплечий. Я не видела лица, поскольку его скрывал поднятый воротник. Но огромные руки в перчатках способны были сломать шею любому в считанные мгновения. Изредка охранник многообещающе похрустывал костяшками пальцев.

– У вас был приказ! Жениться на бедной сироте Генриэтте фон Айсберг! – король хмурил брови. – Бедная, несчастная девушка целый день ждала, но вы так и не явились!

У, какой мерзавец! Я посмотрела на Дитриха, который стоял со скучающим видом и рассматривал идеально спиленные ногти.

– Генриэтта! Подойди сюда, – позвал король, явно недовольным голосом.

Огромный охранник невозмутимо сделал шаг вперед и открыл лицо. Я обалдела. Это была сурового вида немолодая женщина с маленькими черными колючими глазками, массивным носом и широкой челюстью. Вместо прически у нее была толстая коса, лежащая на огромной груди.

О том, что это все-таки Генриэтта намекал только маленький бантик на конце косы.

Генриэтта была на две головы выше меня и в три раза шире. Сжатые в кулак руки хрустели костяшками, словно разминались перед боем.

Мне казалось, что если на нее случайно наедет карета, то пострадает только карета. Густые темные брови, которые она не выщипывала по последней моде, придавали ее лицу очень суровое выражение.

– Вы только посмотрите, как она расстроена! – слышался раздосадованный голос короля. – На ней сегодня лица нет!

Генириэтта и бровью не повела, глядя строго перед собой и замерев в стойке смиренно.

– Генриэтта – надежный и проверенный человек, – продолжил сокрушаться король. – Которая способна нацелить вас и вашу газету в нужное короне русло! А ведь в последнее время вы явно отбились от рук!

– Мы с газетой не пушки, чтобы нас нацеливать. Мое почтение, о прекрасная Генриэтта, – слышался учтиво насмешливый голос позади меня. – Вы сегодня выглядите прекрасно, как никогда!

– Спасибо! – четко и громко отпартовала «нацеливающая» Генриэтта, даже не моргнув. – Служу короне!

Я вздохнула, склонившись очень низко. Внутри что-то сжималось. Я вспомнила, как была здесь еще ребенком вместе с родителями. И теперь до ужаса боялась, что король меня узнает. Но, видимо, ему было не до этого. Он вскочил с трона, нервно расхаживая туда-сюда.

– Я так понимаю, что вы решили нас обмануть! Лжесвадьба с дочерью промышленного магната была лишь, я так понимаю, прикрытием. А вы тем временем тайно женились на... – кипятился король. Он остановился рядом со мной.

Все взгляды усталились на меня. Я опустила голову еще ниже, спрятав лицо за шторкой волос.

– Винаретта, швея, – робко отозвалась я, робко глядя на недовольного короля.

– Я бы рад жениться и на Генриэтте, и на дочери промышленного магната. Так сказать, собрать свой гарем. Финансово я его потяну, но ваши жестокие и беспощадные к нежным девичьим сердцам, законы запрещают мне это сделать. Так что, прости, красавица Генриэтта. Закон есть закон. И кто мы такие, чтобы его нарушать, – слышался снисходительный и насмешливый голос мужа. Он удрученно опустил голову.

– Однажды вы разбили мне сердце, о прекрасная Генриэтта, – театрально сокрушался Дитрих. – Могли бы нос, но выбрали сердце. Но я вас прощаю. Увы, я теперь женат. И изменять жене не собираюсь! Надеюсь, вы меня поймете!

Он еще и шутит! Точно сумасшедший!

Глава пятая

Мне показалось, что в его планах не было женитьбы на мне. Но теперь я понимала, что наша свадьба сыграла ему на руку. Ему нужно было срочно жениться, чтобы обойти приказ короля.

– Вы очень расстроили меня и бедняжку Генриэтту, – покачал головой король. – Впрочем, можете идти! Я вам советую впредь со мной не ругаться. И тщательно проверять, что выходит в вечернем выпуске. Мне стоит взмахнуть рукой, и ваша голова слетит с плеч. У меня статья найдется для каждого! Не забывайте, кто правит этим государством.

– О, в этом вы правы. И у меня статья найдется для каждого. Я вам тоже советую впредь со мной не ругаться, – послышался спокойный голос этого сумасшедшего, а я с ужасом обернулась.

Он дерзит королю! Угроздило же меня стать его женой! О, не может быть! Это я застыла в поклоне, а мой без пяти минут муж даже не думал поклониться.

– Мне достаточно взмахнуть рукой, и ваша корона полетит с вашей головы, – продолжал муж, осматривая дворец так, словно его пригласили в гости. – Поднимутся профсоюзы работников, вы лишитесь своих последних сторонников. Мне достаточно написать короткую заметку и пустить ее в печать. На всякий случай предупреждаю. Заметка уже готова. А мои типографии есть по всему городу. Так что вам придется сжечь всю столицу, но я уверен, что даже на пепелище к вам подбежит мальчик и предложит свежую газету!

Так вот для чего ему нужна моя мастерская! Он хочет открыть еще одну типографию!

В зале повисла тишина. Нет, нет, нет! Срочно в храм богини! Срочно умолять ее о разводе! Мне еще таких неприятностей не хватало!

– Поэтому помните, кто здесь настоящая власть, – послышался смехок мужа. Я увидела, как король побледнел, его глаз дернулся. – Пойдем, моя дорогая!

Меня взяли за руку и без разрешения короля потащили в сторону выхода.

Уже на выходе я слышала крики короля: «Ко мне! Срочно ко мне! Главу тайной канцелярии! Где эти болваны! Как они могли упустить свадьбу!».

Двери за нами закрылись, а мы преспокойно направились по коридору в сторону выхода.

– Пустите! – дернулась я, когда мы пешком вышли за ворота дворца. – Вы просто сумасшедший! Пустите! Я немедленно пойду в храм и буду всю ночь просить богиню, чтобы она вычеркнула наши имена из книги!

– Тише, не дергайся, – послышался весьма довольный голос. – Хоть все прошло и не так, как я задумал, но надо отдать должное, получилось намного лучше, чем я планировал! Ты хоть что-то поняла из того, что я сказал?

Меня ухватили покрепче, пока я отчаянно вырывалась. Мы вышли в роскошный парк, где уютно светили фонари и чинно прогуливались респектабельные пары, обсуждая свежие сплетни.

– Свежие новости! Покупайте свежие новости! – мимо нас пронесся босой мальчишка в ободранной куртке и картузе. – Вечерний выпуск! «Герцогиня Девенстон обменяла служанку на платье! Граф Беркли застукал своего старенького дворецкого в объятиях собственной дочери! На углу улицы Морэй и улицы Шаттер столкнулись две кареты. К счастью все обошлось! К счастью для могильщиков все обошлось очень дорого!»

– Вы... вы сумасшедший, – дернулась я, пытаюсь вырваться из цепкого захвата руки. – Я в этом не хочу участвовать! Пустите! Я законопослушная гражданка! Я кому говорю! Мне нужны проблемы с властью!

– В этом королевстве власть – это я. Как ты думаешь, что правит миром? – послышался снисходительный голос, а я отчаянно пыталась отвоевать свою руку.

– Миром правит любовь! – произнесла я, вспоминая храм богини любви. А потом вспомнила про то, что мне нужно выкупить мастерскую! – И деньги!

– О, нет. Миром правит слово. Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно людей за собой повести, – слышался негромкий голос, а я попыталась разжать его пальцы, крепко держащие меня за запястье.

«Покупайте свежий выпуск! Все за полриалья!», – слышалось звонкое откуда-то издалека. – О, сэр! Вы не пожалеете! Свежие новости! Маньяк изнасиловал маньяка в Синем переулке! В Синем переулке развелось столько маньяков, что они насилуют друг друга, чтобы не потерять квалификацию!

Мы вышли их парка, пока я пыталась заприметить переулок, куда можно юркнуть.

– Пустите! – выкручивалась я, а потом осмотрелась и изо всех двинула мужа ногой. От неожиданности меня отпустили. Воспользовавшись теми мгновениями, которые мне подарила судьба, я бросилась бежать в сторону темного переулка, где обычно скрывались от благочестивых взоров девицы легкого поведения.

Ловко подобрав недошитую юбку свадебного платья, я устремилась в проулок, слыша за собой хромающую погоню.

– Стоять! – рванули меня за платье, когда я нырнула в полумрак узенького переулка между двумя огромными домами из кирпича цвета шоколада.

В этот момент я обрадовалась, что рукав был не пришит, а приметан, поэтому ткань хрустнула и осталась в руках мужа.

Я уже пробиралась через напомаженных красавиц, мечтающих, чтобы кто-то заглянул к ним на огонек.

– О, платье невесты! Это что-то новенькое! Дорогуша, а ты не обнаглела! Самим есть нечего! Проваливай в свою прачечную! – слышались возмущенные голоса вчерашних прачек и портних, но я была проворной и шустрой.

– Стоять! – слышался строгий чуть хриловатый женский голос, а дорогу мне перегородили сразу две разукрашенные дамочки. – Если ты думаешь, что можно запросто поступить на работу, мы тебя разочаруем. Сначала вступаешь в наш профсоюз!

– Хорошо, – задыхалась я, с опаской поглядывая назад. – Я согласна! Я готова! Где нужно подписаться! Только пропустите!

– О, поглядите! Она готова! – рассмеялись девушки, мелькая разноцветными нарядами. – Только учти, милочка! Если ты рассчитываешь сразу поймать богатого клиента, то мы тебя разочаруем!

– Разочаровывайте, сколько влезет! – дернулась я, пытаюсь прорваться.

И тут на горизонте появился мой муж. Девушки тут же выстроились вдоль грубой кирпичной стены, изогнувшись в самых соблазнительных и завлекательных позах.

– О, красавчик! Как на счет минутки удовольствия, – сладострастно стонали они, хлопая ресницами и выставя напоказ едва прикрытые прелести.

– О, вы меня недооцениваете! – слышался голос мужа, а меня все не пропускали.

– Где подписаться? – умоляла я, пытаюсь раздвинуть девиц. – Сколько внести? Я согласна! Завтра внесу! Только пустите!

Я напирала на девиц, но они не отступали. Я почувствовала, как мне на плечо легла рука в перчатке и дернула к себе.

– Новеньким всегда везет! И пяти минут не отработала! – слышалось фырканье за спиной. – И сразу богатенький клиент! Это ж надо! А, может, дело в платье?

– Драсте! – мерзким голосом на выдохе произнес муж, пока девицы крепко держали меня, не давая пройти к спасительному выходу на Найт Парк Авеню.

– Ой, не признали! – переглянулись девицы. – Богатым будете! Шэф, у нас есть свежие сплетни!

Глава шестая

– Если вы про старенького графа Бонненгарда, который собирает девиц по улицам, чтобы поиграть с ними в шахматы, а потом говорит соседям, что у него была пьяная разнузданная оргия, то я в курсе! – отмахнулся муж, приближаясь ко мне уверенными шагами.

– Тюююю, – обиделись девицы.

– Держите крепче эту красавицу. Не дайте ей уйти! – рявкнул он, пока я пыталась провваться вперед.

Дитрих настиг меня, когда я пыталась протиснуться между девицами и стеной. Тяжелая рука схватила меня за плечо и дернула к себе.

Второй рукав я пришила на совесть, поэтому, когда меня вывели обратно к уютному свету фонарей, я попыталась снова дать деру, но вместо этого опрокинулась назад.

Я, как швея, знала, что мне очень идут неприятности. Но я не могла их себе позволить!

– Помогите! Спасите! – крикнула я, мечтая остаться законопослушной и верноподданной королю горожанкой без неприятностей.

Не хватало, чтобы они выяснили, что Винаретта Браун – не мое настоящее имя. А королевская печать на моих документах – искусная подделка.

– Пустите! – крикнула я, пытаясь отцепить от себя его руку. Не ровен час, когда доблестные служители закона очень сильно мной заинтересуются!

Откуда-то с другого конца улицы послышался пронзительный и гневный свист. К нам бежали жандармы, дежурившие на площади.

– Пустите! Я не хочу участвовать в ваших играх! – дергалась я, пытаясь освободиться. – Я хочу домой! У меня завтра много клиентов! Просто забудьте мое имя!

– Что здесь происходит? – спросил суровый голос с отдышкой, приближаясь к нам со скоростью одно покашливание в секунду. – Кто нарушает общественный порядок?

Я смотрела на отполированные пуговицы синего мундира, свисток, заблудившийся в огромных усищах, раздувшиеся щеки и съехавшую на бок шапку с пером и кокардой. Следом за свистуном подоспели остальные жандармы, окружив нас со всех сторон.

– Мы не нарушаем общественный порядок, – послышался миролюбивый голос мужа, который с размаху прижал меня к себе. – Но если вам показалось, что мы его нарушили, я готов лично извиниться перед порядком.

Рука в кожаной перчатке достала из внутреннего кармана туго набитое портмоне.

– Итак, во сколько порядок оценивает понесенный ущерб? – спросил голос мужа. – Во сколько оценивается девственная тишина...

Дитрих внезапно умолк. Вдалеке среди брюзжания карет слышался истошный крик: «Убивают!!! Помогите!!!». Крик тут же оборвался на полуслове. И на смену ему пришли пьяные песни.

– Так, во сколько оценивается девственная тишина этого вечера? – послышался голос с неприкрытой издевкой.

Дорогое портмоне расстегнулось, обнажая такие суммы, которые скромная швея видела только во сне.

– О, как здесь красиво. Никогда не замечал такой красоты, – с улыбкой заметил Дитрих, демонстративно отворачиваясь от сверкающего золотом кошелька, протянутого жандармам.

Те переглянулись, глядя на золото. Один из них закашлялся, а второй облил пере-сохшие от волнения губы. Я видела, как Дитрих бросил мимолетный косой взгляд на соблазнительный кошелек. И усмехнулся, рассматривая одинаковые дома цвета горького шоколада, светлые балконы и высокие полукруглые окна. Где-то вдалеке дымили мануфактуры, застилая небо черными тучами магического дыма.

– Мы взятку не берем! – как-то неуверенно и даже жалобно заметил молодой лейтенант со смешными усиками, потянувшись к золоту, но тут же получил по рукам от усача со свистком.

– О, я разве не сказал вам, что нашел это портмоне на скамейке и спешил вручить находку доблестным охранникам правопорядка, чтобы они отыскивали рассеянного владельца. А вы тут как тут! – послышался голос мужа, а он кивнул в сторону скамейки мимо которой мы даже не проходили.

Жандармы мялись, поглядывая на редких прохожих.

– Я уверен, что вы найдете его владельца. И обязательно передадите ему, чтобы впредь он был внимательней, – снисходительно заметил муж, снова едва заметно улыбаясь.

Я смотрела на тиснение «Д. Б», похожее на старинный герб.

– Не вздумай брать у него взятку! Это же Дитрих Бергендаль! Завтра же на первой полосе появится статья про коррупцию среди жандармов! – послышался изумленный голос тучного служителя. Лица жандармов, внезапно ожившие от шуршания портмоне, тут же помрачнели.

– Ни во сколько! Уберите ваши деньги! – внезапно выдал толстячок со свистком. – И пустите несчастную девицу! Или вы опять взялись за старое? Как вам не стыдно!

Что? Ничего себе! Какой ужас! Я посмотрела на лицо мужа, на котором расцвела на мгновение снисходительная улыбка. Уберите его от меня!

– Кажется, я ее знаю! – оживился лейтенант, кивая в мою сторону. – Лицо у нее знакомое!

О, как хорошо! Меня узнали! Настроение приподнялось, а я с надеждой посмотрела на лейтенанта. Не припоминаю его. Может, заказывал форму или платье для невесты? У меня часто заказывают форму слуги. И даже жандармы! Так что всех и не упомнить. Но как же хорошо, что они помнят меня!

Я расслабилась, высокомерно глядя на мужа с его открытым портмоне.

– Да, мы знакомы! – авторитетно кивнула я в сторону лейтенанта, чувствуя, как разжимаются пальцы мужа на моем плече.

– Ей и так деньги достаются тяжелым трудом! И жизнь у нее нелегкая! – с укором произнес молодой жандарм. – Если бы вы знали, сколько у нее клиентов!

– Да! – подтвердила я, выдыхая. Какое счастье, что меня узнали. Очень надеюсь, что на сегодня приключения закончились.

– Так, этого в участок. За нарушение общественного порядка, – распорядился усатый жандарм, наконец-то выплюнув свисток. – Эту...

– Девочки, она состоит у вас в профсоюзе? – внезапно крикнул усатый. Из темного переулка послышалось: «Кто? Невеста? Нет! Не состоит!».

– И эту тоже! – распорядился усатый, отряхивая рукава новенькой формы. – За нарушение общественного порядка и разложение морали общества!

– Да, но ... – запаниковала я, чувствуя, как меня ведут. – Я вовсе не ...

– Все вы так говорите! – махнул рукой усатый, пока нас вели под конвоем.

– Я же говорил, у нее лицо знакомое! – слышался голос лейтенанта. – Кажется, раньше она стояла на перекрестье улицы роз и Сквиар Парк Авеню!

– Да как вы смеете! Я – швея! И вовсе никакая не... – возмутилась я, когда нас подвели к городскому порталу. Приложив пропуск, усатый жандарм, распорядился отправить нас в участок.

Стоило моргнуть, как мы оказались в участке. Со стенда «Их разыскивают» на меня смотрели угрюмые лица, половина из которых была моими заказчиками. Вон тот усатый со шрамом внес только предоплату. Сказал, что еще не грабил.

Нас с Дитрихом подвели к дежурному столу, усадив на скрипучие стулья. А сами жандармы встали полкругом, видимо, чтобы мы не сбежали.

– Так, с вами все понятно, – усмехнулся усатый, присаживаясь за стол. Кресло под ним простонало, а он взял папку. «Констебль Дрибл», – прочитала я должность.

– Дитрих Бергендаль, – прищурился усатый, с нескрываемой неприязнью глядя на мужа. – Возраст тридцать шесть лет, рост метр девяносто восемь, проживает по адресу Шестое авеню, дом 7. Не женат.

– Поправочка, – послышался голос мужа, который откинулся на потертую спинку стула, снова чувствуя себя хозяином положения. – Уже женат!

Глава седьмая

И он с улыбкой продемонстрировал сверкающее кольцо на пальце.

– Ничего себе! – удивился жандарм, беря перо. – Же- нат! Просто «не» зачеркнул! И кто же эта сердобольная женщина с крепкими нервами, которая согласилась стать вашей женой?

– Вот, – кивнули в мою сторону.

– Вы? – удивился жандарм, почесавшись пером. – Вы его супруга?

– Это – случайность! Это какая-то ошибка! – возразила я, пряча свое кольцо. – Я не его жена! Это просто ошибка!

– Согласен, – заметил жандарм. Он посмотрел на дорогой костюм Дитриха, который так и кричал о роскоши и лоске. А потом перевел взгляд на мое рваное дешевое свадебное платье. – Это какая-то ошибка. С вами все ясно! В камеру его! И до утра!

– Руки, господа, руки! – отмахнулся Дитрих преспокойно вставая и направляясь к открытой двери камеры. Жандармы шли за ним, словно свита.

Решетка звякнула, замок защелкнулся. И только сейчас я позволила себе выдохнуть.

– Теперь вы! Раньше привлекались? – насупил усы констебль Дриббл.

– Нет, – замотала головой я, спрятав руки между сжатых коленей. Сквозь не обшитый каркас платья виднелись старенькие штопанные чулки.

– Имя? Фамилия? Возраст? – спросил жандарм, пока я с ужасом понимала, что сижу в участке. Но тут же подбодрила себя мыслью, что скоро все закончится.

– Винаретта Браун, двадцать пять лет, – выдохнула я, косясь на двери камер и слыша, чьи-то пьяные песни. – Швея. Не смотрите на меня так! Я – портниха! У меня свое ателье! Можете проверить! Просто я решила примерить платье, которое шила! Чтобы невеста смогла в нем сидеть! А потом ворвался этот сумасшедший! Он сказал, что мы, оказывается, женаты!

Рассказывала я, пытаясь натянуть ткань на ноги.

– Швея, значит, – покачал головой усатый констебль Дриббл. – Документы при себе есть?

– Нет, – похолодела я, не имея раньше проблем с законом. – Они остались в ателье!

– Ну, собственно, как обычно! – переглянулись жандармы. – Родственники есть? Хотя, дай-ка угадаю! Си-ро-та! Да? Швея, сирота...

– Да, – кивнула я, опасливо поглядывая по сторонам. Мрачноватое местечко, однако. – Я хочу, чтобы вы спасли меня от этого типа! Это просто ошибка! Он удерживал меня силой!

– Ах, какой негодяй! – воскликнул констебль. – Ничего, он получит по заслугам!

– Я могу написать на него заявление! – гордо заметила я. – Он, считай, похитил меня!

– Ай-я-яй! Но мы разберемся! – кивнул констебль. – Только сначала я задам несколько вопросов. И сколько же у тебя бывает клиентов в день?

– Ну, человек двадцать. С хвостиком, – ответила я, глядя на перо в пухлых пальцах.

– А без хвостика? – спросил констебль, что-то зачеркивая и исправляя в своих бумагах.

– Ну, человек ... эм... тридцать, – ответила я, внимательно следя за пером.

– Тридцать! – выкатил нижнюю губу и покивал констебль. – Ничего себе! Это что? У каждой ... хм... швей столько клиентов?

– Ну, не у каждой, – ответила я, пожав плечом. – Просто есть умелые, а есть так себе... Понятное дело идут к умелым. Особенно те, у кого есть деньги! Они, между прочим, очень разборчивые! Кого попало не берут!

– И сколько же ты зарабатываешь? – спросил констебль, отмахиваясь пером от назойливой мухи, которая витала над ним.

– Ну, шесть – семь риалов в неделю, – честно ответила я, вспоминая ворох вещей, которые ждут меня в ателье.

– Это... А что так мало? Ты что? Голодаешь? Погоди! Ты по сколько с клиента берешь? – округлил глаза констебль.

– Ну, все зависит от сложности? Кто-то просит дырку, – пожала плечами я, вспоминая, что бедные горожане часто носят мне на починку старую одежду. – Кто-то просит подшить снизу! Кто-то просит...

– Понятно, – кивнул констебль, глядя на меня. – Ну, тут все ясно! Дырку, значит! Это ж надо! Я смотрю, ты зашиваешься прямо!

– Ну да, – честно призналась я, вспоминая очередь за заказами. – Особенно, когда по двое – по трое приходят. А недавно целым семейством пришли! Отец, мать и двое сыновей! Сказали, что нужно из мальчиков мужчин сделать!

Я вспомнила, сколько подкладки извела на подплечники, чтобы придать щуплым фигурам с узкими плечами необходимую ширину.

– Вот как тебе не стыдно! – покачал головой констебль Дриббл. – Чтобы сказали твои родители, когда узнали, что ты ... хм... швея?

Я вспомнила маму и папу. Наверняка они бы не обрадовались, что их единственная дочь зарабатывает на скромную жизнь пошивом одежды.

– Думаю, они бы расстроились! – усмехнулась я, вздыхая.

– Вот! – вскочил из-за стола мистер Дриббл. – Позор! Какой позор! Ты в богиню любви веришь?

– Верю, – вздохнула я, глядя на суровые усы, которые мистер Дриббл гневно топорщил.

– И как же ты променяла любовь на деньги? Легких денег захотелось? Красивой жизни! Шелка, бархаты всякие! Папа не лезь! Папа, я сама! Не стыдно тебе перед богиней? Она же все видит! Все! Такая молодая, такая симпатичная девочка, неужели тебе самой не стыдно? Мне бы было бы стыдно на твоём месте! Ты ведь могла бы замуж выйти, деток родить! Все старым родителям радость! А ты выбрала такой путь! Ай-я-яй! Вот если бы моя дочка замуж вышла, внуков принесла, я бы радовался! Нянчил!

– Простите, но я сирота, – повторила я, вспоминая родителей и наш дом.

– Все вы так говорите! А все почему? Потому что мамке с папкой стыдно в глаза смотреть! Поэтому и намазываете на лицо штукатурку всякую! Чтобы мамка с папкой не узнали! И никто им не сказал! Эх! Ты это... Подумай! Хорошенько подумай... Эх, знала бы ты, что отец твой чувствует! Может он себя корит, что недосмотрел! Недовоспитал! Надо было шлепнуть разок, а он пожалел!

Я сидела, примерзнув к стулу. Мне казалось, что он меня даже не видит, а разговаривает о своем.

– А у папки, может быть, – с горечью выдохнул констебль, успокаиваясь и снова садясь на стул. – Сердце не казённое! А папка не бессмертный! А случись, что с папкой, кто ж тебе поможет?

Он, словно очнулся, беря в руки бумагу.

– И чего это вы расшумелись на улице? – строго спросил он. – Обидел что ли? Не заплатил?

– Просто он удерживал меня силой! – заметила я, нервно вздыхая. – Я пыталась от него убежать! Но он меня догнал!

– Ай-я-яй! Какой подлец! – покачал головой констебль, почему-то глядя на мою юбку. – Ну, это очень страшное преступление! Нужно срочно принимать меры! Пишите заявление!

Глава восьмая

Я взяла листок и стала старательно выводить заявление.

– Вот! – протянула я листок, промахнувшись пером и посадив кляксу на чью-то папку. – Я прошу вас принять меры!

– Ага! Понятно! Ну, он посидит в камере до утра! – кивнул констебль, читая мои каракули.

– Спасибо! – обрадовалась я, выдыхая и вставая со стула. – Я могу идти? Вы не подумайте плохо! Я – действительно швея! Швея!

– Куда? Опять? Нет! Будем тебя перевоспитывать! – кивнул констебль. Мне показалось, что я ослышалась. – Посидишь в камере, подумаешь над своим поведением! Отведи ее в свободную камеру! А я смену закончил! Все!

Констебль снял фуражу и вытер со лба пот.

– Нет, нет! – сопротивлялась я, когда меня вели мимо закрытых камер, в которых спали алкоголики, тунеядцы и мелкие воришки, пойманные на срезанных кошельках.

– Прошу! – заметил молоденький лейтенант, открыв дверь ключом и скрипнув решеткой. – Вот такой суровый у нас констебль. Ничего! Здесь ты будешь надежно спрятана до утра. Утром тебя отпустят! А я может, даже загляну к тебе на огонек? А? Сделаешь скидочку?

– Ну, сильно скинуть цену я не могу, – прикинула я, зная, сколько труда и усилий стоит пошить мундир! Особенно парадный! – Но маленькую сделаю!

– Ай да молодец! – обрадовался лейтенант, прощаясь с констеблем, который уже вышел за дверь. Не прошло и десяти минут, как в участок ввалились жандармы, ведя согнутого в дугу полугололого мужика.

– Эй! Посторонись! Поймали! Показывал женщинам фокусы в темном переулке! – усмехнулись ребята, таща раздетого мужика. – Дамы жаловались! Прибежали и сказали, что там мужик совсем замерз, раз такой маленький! Просили срочно его обогреть!

– В камеру его! – бросил лейтенант, оставшись за главного. Видимо, он ужасно этим гордился.

– Так свободных нет! – послышались голоса. – И выпустить некого!

И тут я поняла! Это – мой шанс! Главное – напомнить о себе!

– А как же я? – спросила я, мило улыбаясь и всем видом показывая, что я – сама безобидная во всей тюрьме. – Может, я?

– Ну... – заметил лейтенант, задумчиво глядя то на мужика, то на меня. – А, ладно! Выпускайте ее!

Я несказанно обрадовалась, когда ключ повернулся в решетчатых дверях, а меня извлекли в коридор.

– Спасибо! Благодарю! – выдохнула я, видя, как мужика заталкивают в мою камеру. – Я вам очень признательна! Обещаю, что больше не буду кричать на улицах!

И тут я почувствовала, как на плечо легла рука!

– Куда пошла!

– А тебя сюда! – усмехнулся молодой лейтенант, хватая меня за плечо и вталкивая меня в соседнюю камеру. – Сказали до утра, значит, до утра!

Двери за мной закрылись, а я замерла, очутившись в темноте. Ладно, пусть так! Главное, чтобы подальше от этого маньяка!

Только-только я сделала шаг, пытаясь привыкнуть к темноте, как вдруг до меня донесся шум. В камере кто-то был. И мысль об этом заставила меня вздрогнуть! А вдруг меня посадили к какому-нибудь пьянчужке или воришке?

Но на самом все было куда страшнее!

– Драссе, – послышалось сладострастное и тихий смех. Я всем телом бросилась на решетку, но потом поняла, что жандармы уже ушли, и мрачный коридор опустел.

– Выпустите меня отсюда! – крикнула я в отчаянии, пытаюсь высмотреть хоть кого-нибудь в конце коридора.

– Как там было? И в горе, и в радости, и в тюрьме, – заметил насмешливый голос из темноты. – Иди сюда! Садись!

– Нет, я постою! – гордо заметила я, берясь за ржавые прутья. – Эй! Это какая-то ошибка!

– Ты собираешься стоять всю ночь? – послышался зевок из темноты. – Дружок, смотри и учись, как надо! Девушка стоит всю ночь! А ты после пятой требуешь перерыв!

– Да! Я собираюсь стоять всю ночь! – ответила я, ужасаясь тому, что меня посадили с ним в одну камеру.

– Знаешь, есть у меня один орган, который начинает завидовать твоей стойкости, – послышался голос, а я вспыхнула румянцем. – Его называют честь.

Я мужественно стояла, облокотившись на толстые прутья решетки. Глаза привыкли к темноте. И в этой темноте я видела вальяжно развалившийся на скамейке силуэт. Дитрих и здесь умудрялся сидеть так, словно король на троне.

Ноги ныли, я со злостью смотрела на коротенькую скамейку, сомневаясь. В коридоре тускло горел светильник. Неподалеку раздавался забористый храп узника из соседней камеры.

– Садись, – милостиво хлопнула по уголку скамейки рука в черной перчатке. Двигаться Дитрих не собирался.

Закинув одну ногу на другую так, что одна нога стояла на полу, а вторая находилась параллельно полу, Дитрих смотрел на меня снисходительным взглядом.

– Тебе же сказали отсидеть в камере, а не отстоять! Отстаивать нужно правду, а в камере отсиживают. Хотя, женщины такие удивительные создания, что им тяжело стоять и сидеть. Они всегда норовят лечь. По-крайней мере, так делает большинство женщин при виде меня, – заметил он, пока я поражалась размерам его самомнения.

– Тфе! – хмыкнула я, но присела на край скамейки, понимая, что до утра не отстою. Но при этом демонстративно отодвинулась подальше.

– А ну-ка? – усмехнулся Дитрих, потянув ко мне руку. Он взял меня за подбородок и слегка повертел мое лицо туда-сюда, пока я с возмущением пыталась отцепить его руку от своего лица.

– Ты напоминаешь мне одну девушку. Которую я знал давным-давно, – заметил Дитрих, а мне наконец-то удалось отцепить его руку и стереть след его прикосновения о плечо.

В голове зрел план, пока я поглядывала профиль сидящего рядом. Я не собираюсь сидеть в одной камере с этим человеком! Я вообще хочу забыть его, как страшный сон! К тому же у меня лежит много заказов, которые я, обычно, шила по ночам!

Эх! Была – ни была!

– Помогите! Насилуют! – крикнула я, сдирая с плеча платье и бросаясь всем телом на решетку. – Прошу вас! Помогите!

– Кто? – осмотрелся Дитрих. – Кто посмел и без меня?

В коридоре вспыхнул ослепительный свет светильника. На мои крики прибежали дежурные.

– Он... он ко мне пристаёт, – прошептала я, делая испуганные глаза и косясь в сторону Дитриха. – Помогите! Я прошу вас!

А вдруг его за это посадят по-настоящему? Было бы хорошо! Одной неприятностью было бы меньше!

– Ему? – спросила охрана, которая, видимо, сама была не прочь вздремнуть часок, а тут мои душераздирающие крики.

– Нет, мне! – со злостью выпалила я, зная, что свободных камер нет. А вдруг выпустят?

– И куда ее? – переглянулись жандармы, зевая и негодуя, что их разбудили. – Все камеры битком забиты! Хотя, можем к этому, который жену убил по- пьяни! Или к маньяку!

Я перепугалась, с досадой понимая, что план не сработал. И лучше бы мне остаться здесь!

Стоило только полицейским уйти, я вернулась на место, демонстративно отодвинувшись на край.

– Значит, ты решила так? Да? – заметил Дитрих, когда в тюрьме воцарилась тишина. – Ну, хорошо!

Внезапно он крикнул: «Насилуют! Помогите!!!».

Я даже вздрогнула от неожиданности, покосившись на него. Снова в коридоре вспыхнули факелы и послышались спешные шаги.

– Ребята, полегче! Я просто хвастаюсь! – рассмеялся Дитрих, запрокидывая голову. На нас обрушился поток таких отборных ругательств, что покраснели даже стены, а потом ленивые шаги удалились.

– Ты – Винаретта, кажется? Можно я буду называть тебя Вин? Так вот, Вин, рассказывай, кто ты, откуда? – лениво спросил Дитрих. Видимо, ему было скучно.

– Швея... Из того места, откуда обычно появляются дети, – буркнула я, не желая распространяться о себе.

– О, так мы земляки! – усмехнулся Дитрих, которому было явно скучно.

– Нет, вы из соседнего места, которое находится сзади, – съязвила я, глядя на него. Не хватало, чтобы я еще отчитывалась! – Я еще помню вашу заметку про «Беглых дочерей».

– Ай, – поморщился Дитрих. – Так я еще ласково. Нежно, можно сказать!

– Ласково? Да у меня были такие неприятности! – возмутилась я, глядя на него с затаенной обидой и жаждой отмщения.

Дитрих зевнул и потянулся. Я нахохлилась, чувствуя, что камере не так уж и тепло. Зябко пожившись, я втянула соплю. Глаза слипались после долгих бессонных ночей. Я вспоминала, чьи заказы лежат у меня на столе. Нужно будет ...

Я зевнула, чувствуя, что глаза почти слиплись. Мне казалось, что я лежу у себя, на втором этаже мастерской, на старенькой кровати и смотрю на стену, на которой висели рисунки из модных журналов. Роскошные дамы в роскошных платьях улыбаются глупыми улыбками. Платья оживали, словно по волшебству. Я видела роскошный зал, реверансы и поклоны. Шуршание юбок, легкий, непринужденный смех, запахи духов и звон бокалов, которые берут с подноса. Все оживало, словно наяву. Мне казалось, что я стою в этом зале, окруженная вниманием со всех сторон. «Вильгельмина Анна Генриетта!», – позвал меня далекий голос, заставив проснуться.

– Эй, – усмехнулся Дитрих, а я вздрогнула, открывая глаза. Перед глазами была решетка камеры, а я ...

... я уснула, привалившись к его плечу, а нос мне щекотала меховая опушка. Ему-то тепло!

– Фу! – улыбнулся Дитрих, смахнув пыль с того места, где покоилась моя голова. – Как неприлично!

Я промолчала, понимая, что это была месть за «соотечественников». Тогда почему он не стряхнул меня раньше с плеча? Сколько я так проспала?

– Я будил тебя, орал, требовал, чтобы тебя от меня убрали, – развлекался Дитрих, пока я морщилась. – Всю тюрьму перебудил. Но ты спала, как убитая.

«Спала, как убитая!», – проворчала я мысленно. Ну еще бы! Я сплю по три часа в день, чтобы все успеть!

– Пока ты спала, я придумал план побега, – заметил Дитрих, искоса глядя на меня.

– Неужели? – подозрительно напряглась я.

– Да! – самодовольно улыбнулся Дитрих. И тут же понизил голос до страстного шепота. – Я планирую дерзкий побег! Это – очень рискованно, опасно, но оно того стоит! Или ты хочешь просидеть здесь до конца ночи? Знаешь, вон тот бедолага в соседней камере...

Я прислушалась к храпу, понимая, о ком идет речь.

– Сидит здесь уже месяц. Просто о нем постоянно забывают, – вздохнул Дитрих. – Сэм, ты как?

Храп прервался.

– Намана, – слышалось ворчание. – Лучше, чем дома с этой сварливой гадюкой! Ик!

– Откуда вы это знаете? – спросила я, глядя на него с подозрением. – Вы что? Здесь постоянно бываете?!

Я округлила глаза от ужаса, понимая, что Дитрих вполне может иметь здесь прописку. За кого я вышла замуж? Вот это – позор!

– Что ты! – возмутился Дитрих. – Постоянно? Да ты меня обижаешь! План такой! Только учти, если кто-то об этом узнает...

Мне что-то не по себе. Я посмотрела на ржавую решетку окна, на ржавую дверь и убогие удобства. Потом я вспомнила, что у меня лежит гора недошитых заказов, за которыми придут утром.

– Хорошо, – согласилась я, понимая, что на кону моя деловая репутация. Я так растеряю всех немногочисленных клиентов! – Что нужно делать?

– Неужели? Ты согласилась? А с виду добропорядочная горожанка! Ай-я-яй! – изумился Дитрих, залезая в карман и доставая оттуда маленькую пилочку для ногтей.

– Это для чего? – спросила я, поглядывая то на решетку камеры, то на решетку окна.

– Пили решетку окна! – приказал полушепотом Дитрих. – А я буду отвлекать лейтенанта, чтобы он не слышал. Если что, скажешь, что тебе дурно! Поэтому ты возле окна. Поняла?

Я кивнула, ненавидя его всем сердцем! Это – не мужик! Это – ходячие неприятности. Как я хочу вернуться к обычной жизни, вы бы знали!

– Эй, лейтенант! – громко и требовательно произнес Дитрих, слегка растягивая слова. От этого появлялась чувство небрежности и пренебрежения.

Послышались шаги, а я встала ногами на скамейку и стала осторожно пилить решетку.

– Чего тебе? – спросил сонный лейтенант, на которого я мельком обернулась. – Что она там делает?

Я стиснула зубы, стараясь пилить очень тихо. Свежий ветер заставлял меня вдыхать полной грудью ночной воздух и придавал мне сил.

– На стену лезет, – нагло усмехнулся Дитрих. Он стоял возле решетки, как бы закрывая обзор массивной фигурой. Я старалась пилить тихо, чувствуя, как на пальцы сыплется ржавчина. – У тебя никогда женщины на стену не прыгали, лейтенант, от экстаза?

– Чего тебе? – хмуро спросил сонный, от того и злой лейтенант.

– Дело есть, – произнес Дитрих. В его голосе чувствовалась улыбка.

Глава девятая

Я пилила, понимая, что решетка не поддается. Изо всех сил я пыталась спилить хотя бы один прут, чувствуя, как на потные пальцы осыпается ржавчина и прилипает к ним. У меня уже руки устали! Одной рукой я крепко держалась за прутья, а второй пилила. Сейчас рука отвалится. Я отчаянно сдувала волосы с лица, остервенело пытаюсь снова попасть пилкой в собственный надпил.

– Так бы сразу и сказал! – усмехнулся лейтенант, звякая ключами. Послышался скрип за спиной, и камера открылась.

– Держи, дружочек, – похлопал по плечу его Дитрих. До меня только дошло, что нас ... выпускают.

– Дорогая! На выход! – скомандовал Дитрих, спокойно покидая камеру.

Я звякнула пилочкой, слезла со скамейки, отряхивая руки и глядя на лейтенанта, закатывающего глаза: «Живее!». Я задушу этого негодяя своими руками!

Выбежав из камеры, пока не передумали, я стремглав устремилась к выходу. Ничего! Я еще успею все дошить!

– Так это и был твой дерзкий и опасный план побега? – возмутилась я, видя, как Дитрих заслонил собой проход. Но внутри я обрадовалась, что не придется отсиживаться в камере до утра.

– А что? По-твоему, он не дерзкий и не опасный? – усмехнулся Дитрих, отряхивая свой дорожный костюм. Мы стояли во внутреннем двореке участка.

– Стоять! – послышался далекий, задыхающийся голос лейтенанта, который спешил за нами на улицу. Неужели он передумал?

– А вот и страшная погоня. Чувствуешь, как адреналин застилает глаза, – заметил Дитрих, поворачиваясь к запыхавшемуся лейтенанту. – Да-да?

– Вы это... – задохнулся молодой лейтенант и замолчал, словно забыл, что хотел сказать. – Вы только не пишите в газете об этом!

– Постараюсь, – усмехнулся Дитрих. – Это все?

Но молодому лейтенанту нужны были гарантии.

– Дайте слово джентльмена! – потребовал лейтенант, который несколько минут назад получил взятку.

– Конечно! Слово джентльмена! – легко кивнул Дитрих, пока я пыталась осторожно сбегать. Но меня неглядя схватили за плечо, не давая мне улизнуть.

Лейтенант вернулся в участок. Я попыталась освободиться, но рука в перчатке цепко держала меня, не давая уйти.

– Отпустите! Мне нужно в ателье, – строго произнесла я. – У меня заказы недошитые! Завтра утром клиенты придут! А у меня ничего не готово!

– Подожди, – усмехнулся Дитрих. – Ты, как-никак моя жена. И нам нужно решить несколько вопросов.

– Я отказываюсь быть вашей женой! Я не хочу быть женой человека, который сидел в тюрьме! – съязвила я, вспоминая, что не прострочила подъюбник.

– Вы что? Думаете, что я здесь постоянно? – спросил Дитрих, изобразив такую обиду, что я остановилась. – Между прочим, я – честный человек, который принадлежит высшему свету. Про меня много что говорят, но большая половина из этого неправда!

И тут послышался звук подъезжающей кареты, который гулко отдавался от каменных стен. Красивая карета остановилась напротив нас, а я ожидала, что из нее кто-то выйдет, но из нее так никто и не вышел

– Хозяин! – послышался хриплый голос кучера. – Вы куда запропастились! Я починил колесо, а вас нет! Я к этому святоше! А вас там тоже нет! Я к этой в ателье! И там закрыто! Я к борделю Мадам Жюли, в котором вы бываете по пятницам и средам! Но девочки сказали, что сегодня вас не было! Красотка Сиси передает вам привет!

– Значит, честный... – язвительно начала я, но кучер еще не закончил.

– Потом я вспомнил, что сегодня у герцога Баррингтона пьянка. И поехал к нему. Вы же ни разу не пропускали его пьянки! – прокашлялся кучер. – Но и там вас не было!

– О, – потянула я многозначительно и глядя на «честного джентльмена».

– И тут до меня дошло, что вы у любовницы! – заметил кучер. – Я – туда! Но ни у мадам Лореаль, ни у мадам Дэрвиль, ни у мисс Шарлотты, ни у мадам Каттерфакс вас тоже не было!

– Да неужели? – прищурилась я, глядя на Дитриха, который только что мне доказывал, что слухи о нем преувеличены.

– И тогда я сообразил, что вы здесь! Собственно, как обычно! – отчитался кучер, пока я смотрела на мужа.

– И какие конкретно слухи про вас преувеличены? – ядовито спросила я, понимая, что молва даже слегка приуменьшила!

– Про то, что я помогаю приюту для бездомных, – заметил Дитрих, затаскивая меня в карету. – Трогай! Не переживай, мы не надолго.

Ну, раз ненадолго, то это хорошо. побыстрее бы от него отделаться!

Мы проехали не так много, чтобы я успела все обдумать. Карета свернула, и остановилась возле respectable дома.

Это был самый дорогой и престижный район, который мог себе позволить не каждый аристократ, предпочитающий жить в городе. Но были и такие, которые не любили городской шум и суету. И они жили за городом в роскошных поместьях.

Богатые дома на этой улице были слегка похожи, особенно ночью. Многоэтажные, с большими окнами, залитые огнями. Возле многих стояли шикарные экипажи, где-то слышались музыка и смех. Пока город спал, жизнь здесь кипела страстями и бурлила шампанским.

Яркие фонари освещали всю улицу, а от одного фонаря отделилась тень и бросилась к нам. На ходу тень что-то выронила, а потом остановилась, вернулась и неуклюже, роняя несколько раз подряд, подобрала.

– Мистер Бергендаль! – послышался запыхавшийся мужской голос, а в свете окон и фонарей над домом я увидела молодого, вихрастого юношу в старом сюртуке, который несся к нам на всех парах.

Мой взгляд тут же оценил крой, ткань, и я поняла, что юноша ужасно беден, но не хочет этого показывать. На шее у него был длинный фиолетовый летний шарф, обмотанный несколько раз, чтобы прикрыть потертости на плечах и вороте сюртука. От этого вид у юноши был поэтический и слегка растерянный.

Он был кудрявым, светлым с карими собачьими глазами на миловидном лице. Легкая щетинка проклеивалась над верхней губой, но, дальше расти отказывалась. В руках у юноши был потертый кожаный блокнот и магическое перо.

Я знала таких юношей со взором страстным и горящим, поэтических и вечно влюбленных. Обычно они были мелкими клерками, наемными работниками, счетоводами, но в душе оставались немножечко поэтами! Каждый из них считал своим долгом безответно влюбиться, чтобы остаток жизни страдать!

Но и тут все было загвоздка.

Разве можно посвящать стихи и любовь какой-нибудь уставшей горничной с опухшими от вечной беготни ногами? Или прачке, с красными от щелока руками? Или торговке с облезающим от палящего солнца носом? Конечно же нет! Объект их страсти всегда был прекрасен и редко достижим!

Такие, как Фогс влюблялись в тонкое кружево перчатки, в стройную ножку, показавшуюся из-под пышных дорогих юбок, в осиную талию с расшитом корсете, за которую снимали красавицу с подножки кареты. В томный и скучающий взор, которым она по обыкновению своему окидывала все вокруг, в идеальные локоны, которые служанка укладывала полдня.

«Прекрасная богиня!», – шептало им влюбленное сердце, не давая покоя ни днем, ни ночью. Они дежурили под окнами, рисовали тонкую ножку в изящной туфельке, томный изгиб лебединой шеи и вздыхали, вздыхали, вздыхали. Вздыхали под окнами роскошных домов, прячась в тени фонаря, вздыхали сидя на скамеечке, когда красавица совершала променад. Посвящали ей тысячи стихов и красивых слов. А некоторые, особо отважные, даже присылали их ей.

Они ревниво следили за каждым кавалером, с которым она появлялась. И напивались вдрызг в тот день, когда родители выдавали ее замуж.

Но если вдруг судьба улыбалась им, и красавица отвечала взаимностью, то часовня Бесподобного Елауария объединяла влюбленные сердца.

Правда, ненадолго. Украденные из дома бриллианты быстро заканчивались. Изящество, легкость и красота быстро стирались об острые грани жестокого мира, и вот уже в некогда в уставшей прачке было не узнать первую красавицу двора.

– Мистер Бергендаль! – снова выкрикнул юноша, вставая между нами и роскошным домом. – Я сделал все, как вы сказали! Целый день бегал по городу!

– Отлично, Фогс, отлично, – небрежно заметил Дитрих, лениво переводя взгляд на юношу, который тут же бросился раскрывать свой исчерканный блокнот.

– Здравствуй... те, мадемузель! – закивал Фогс, тут же снова переключаясь на Дитриха. – Вот! Я собрал информацию и написал три заметки для завтрашнего выпуска! Послушайте!

Дитрих потащил меня в роскошный дом, пока за нами, словно собачонка бежал Фогс.

– Мадам Розмари жаловалась на то, что у нее кто-то воет под окнами! – начал Фогс, на ходу заглядывая в блокнот. – И вот заметка...

– Кто такая миссис Розмари? – небрежно спросил Дитрих, распахивая двери и сразу же бросая в руки слуге перчатки. Тот поймал их с поклоном. Я застыла, глядя на роскошный дом. От увиденного у меня отвисла челюсть.

Глава десятая

В королевском дворце все было намного поскромнее. Алый бархат, оббивающий стены, золотое тиснение, подсвечники из чистого золота, горящие уютными магическими огнями. Все вокруг прямо вопило о богатстве хозяина. Причем, вопило до хрилоты. А потом выдыхалось и устало поскуливало.

– ... мадам Розмари услышала, как кто-то воет! Она подумала, что это соседская собака! – читал Фогс. – Она спросила у соседей, и они тоже слышали вой. Мадам Розмари легла спать. К утру вой стих. Вот! Я тут усилил, что к утру вой стих! Хотел написать, утром все закончилось. Но подумал...

Говорил он быстро, скороговоркой, и я слушала его в пол уха.

– И ты хочешь за это три риаля? – спросил Дитрих, усмехаясь и отпуская меня на роскошный диван.

Сколько- сколько?! Три риаля? Заметка стоит три риаля?! Ничего себе! Я превратилась в слух. Три риаля! Три!

– Ну да! – смутился Фогс, глядя на свои почеркушки.

– Во-первых, кто такая мадам Розмари? – спросил Дитрих. – Кто-нибудь кроме соседей о ней знает?

– Ну, это хорошая женщина... Она вдова... У нее двое сыновей... – залепетал Фогс.

– Плевать! Где она живет? – спросил Дитрих, небрежно падая на диван. Он сидел рядом со мной в той позе, которую я уже видела камере. Одна нога стояла на полу, а вторая лежала на ней горизонтально.

– На Мэйн Стрим Авеню... – замялся Фогс, пряча глаза и переминаясь с ноги на ногу.

– Это была страшная ночь для всех окрестных домов. Душераздирающий вой раздавался в темноте, разбудив добропорядочных горожан, – лениво, словно нехотя цедил Дитрих. – Как я тебя учил писать про происшествия? Ты должен заставить каждого, читающего газету подумать, что это произошло рядом. Но место называешь в последнюю очередь.

– Да, да, я помню, – пролепетал Фогс, смущенно краснея.

– Теперь нам нужен авторитетный источник, – лениво вздохнул Дитрих, пока я все внимательно слушала. – В статье всегда должен быть авторитетный источник с его мнением. Но его можно не называть. Пиши. Старый охотник сказал, что это явно не собака... Собаки воют по-другому. «И, похоже, что не волк!», – добавил он, опасливо глядя по сторонам.

– Такого он не говорил, – заметил Фогс, что-то записывая. – Он только про собаку...

– Запомни. Смешно, страшно, интересно – это три слова, которые приносят тебе деньги, – усмехнулся Дитрих, рассматривая свои ногти. – Однако, мы ничего не утверждаем. Продолжим. Жители вынуждены были закрыть все окна и двери. Они боялись выходить на улицу. К утру вой стих так же внезапно, как и появился.

Дитрих поднялся и направился в кабинет. Часы на стене показывали три часа ночи.

– Жители Мейн Стрим Авеню обеспокоены. Догадки разные. Одни думают, что это чудовище, сбежавшее от какого-нибудь мага. Другие полагают, что это чей-то любовник, сломавший ногу при падении с балкона, а третьи уже подыскивают жилье в другом районе, если вой снова повторится.

Дитрих закончил, толкнул роскошные двери, и мы вошли в кабинет. Шикарный письменный стол был уставлен стопками бумаг. Слегка протертое кресло было отодвинуто.

Дитрих остановился, достал портмоне, а потом высыпал себе на ладонь три золотые монетки. Он замер, делая вид, что хочет протянуть их Фогсу, но внезапно передумал. Бедняга Фогс даже дернулся, но деньги Дитрих ссыпал себе в другую ладонь.

– Это мне? – спросил Дитрих, осматриваясь по сторонам. – Неужели? Какой я молодец! Дитрих, ты просто гений! Не устаю тобой восхищаться. Какая хорошая заметка! Вы просто талант!

Он усмехнулся, погладив себя по голове и ссыпал золото себе в карман.

– Что-то еще? – спросил Дитрих, подходя к столу и рассматривая бумаги. Некоторые он сразу комкал и бросал на пол. Некоторые задумчиво откладывал.

Я решила поговорить с ним, чтобы выкупить помещение. Пусть размещает типографию где угодно! Ну раз мы муж и жена, то пусть выкупит! Иначе, я уйду от него, и по городу пойдут слухи, что брак фиктивный. А ему это не выгодно.

– Да, есть! Тут мистер Сэрдон вернулся из Авильона. Там видели, как дракон летал над городом с девушкой в лапах. Представляете? Это сенсация! И еще новость из Авильона! Герцог Аддерли убил своего компаньона, обанкротил, и женился на его дочери! Представляете! – воодушевленно выпалил Фогс.

– Новости Авильона, нас ностриакорцев, не волнуют, – произнес Дитрих, поморщившись. – Пусть авильонские газеты об этом пишут. Запомни, ностриакорцев волнуют новости Ностриакора.

– Понял, – обреченно кивнул Фогс, отчаянно листая блокнот. – И еще одна новость! У графини Флери завелся любовник!

– Так, а вот это уже интересно, – потер руки Дитрих. – Учишься, парень, учишься... Дальше. Я требую подробностей! Так же как и все жители города! Как я тебя учил писать про сплетни?

– Эм... У меня тут записано! – зашуршал листиками Фогс. – Скандально! Сначала громкий факт с именами и фамилиями, потом подробности. Подробности смаковать! Я записал!

– И... – оживился Дитрих.

– Все, – сознался Фогс, вздыхая. – Я больше ничего не смог узнать! Ну, еще то, что их застукал муж. И все...

– Понятно, – разочарованно протянул Дитрих. – И ты еще здесь? Иди, вынюхивай! Завтра это должно быть в вечернем выпуске.

– Могли бы дать хоть риаль, – взмолился Фогс. А потом опустил глаза, заливаясь румянцем. Тихим голосом он добавил. – Вы не заплатили за мои стихи, которые я принес три дня назад.

– Ах, стихи... – нахмурился Дитрих, словно что-то вспоминая. – Это те, которые я вчера выбросил?

– Выбросили? – ужаснулся Фогс, нервно что-то царапая в блокноте пером. Он покраснел до кончиков ушей.

– Вот скажи мне, – снисходительно заметил Дитрих, глядя на несчастного Фогса. Он даже по дружески обнял его за плечи. Мне показалось, что в душе Дитриха что-то зашевелилось! – Что принесет мне больше денег? Твои страдания о безответной любви к дочери барона? Или скандал с оставленной в залог служанкой? Только честно? Ответ очевиден! Иди, работай!

И Фогс понуро отправился добывать ценные слухи и сплетни. Когда дверь за ним закрылась, я услышала, как кто-то споткнулся на лестнице и ойкнул.

– По поводу тебя! – заметил Дитрих, падая в свое роскошное и любимое кресло. – Итак, правило первое. С этого момента ты живешь здесь. Я не хочу, чтобы тебя лишний раз видели на улице.

– Это с чего это? – с вызовом спросила я, глядя на свое платье. Обычно я одеваюсь прилично!

– Ерунда, – отмахнулся Дитрих, смяв очередную бумагу и ловко забросив ее в дорогую вазу. Его дорогие сапоги лежали на столе среди кучи съехавших стопок и сверкали застежками. – Это я не тебе. Ты будешь изображать экономку.

– Я? Экономка? – ужаснулась я, глядя на его невозмутимый профиль. Я никогда не пойду никому в услужение! Ниже пасть уже некуда!

– Посмотри на себя! Ты очень экономная женщина! Экономишь даже на нормальном платье, – заметил он, а я сжала кулаки от негодования.

– Я не собираюсь работать здесь служанкой! – отрезала я, глядя на часы. Ой, не успеваю. Что же делать? Скоро клиенты придут, а у меня ничего не готово!

– Хорошо. Представлю тебя, как бедную родственницу. Ты приехала с окраины. Родители умерли, замуж ты не вышла. Будешь сидеть в доме безвылазно, – махнул рукой Дитрих, явно не желая видеть меня своей женой. – Оплакивать какого-нибудь своего погибшего жениха, как и полагается старой деве! На глаза лишний раз не попадайся. Мы тебя даже, как незамужнюю вдову оденем. Это я беру на себя. Ты согласна? Ни с кем не разговариваешь, ни с кем не общаешься. Так продолжается до тех пор, пока мы не разведемся. А это будет после того, как король успокоится, и отвлечется на какой-нибудь другой скандал. Потом ты так же тихо исчезнешь, как и появилась.

– За что король так не любит вас? – спросила я, решив, что сейчас или никогда.

– За правду, – улыбнулся Дитрих, невозмутимо перебирая бумаги. Большая часть из них уже валялась мятая на полу. – Понимаешь, аристократия – это опора короля. А я пишу про них правду. Сплетни, скандалы... То, что они хотят утаить, я вытаскиваю наружу. Они боятся меня, а я пишу правду про его сторонников, постепенно подбираюсь к его семье.

Может дело в полумраке, разрушаемом падающими в окно лучами рассвета, но в этот момент зловещая улыбка озарила Дитриха. В этом полумраке он казался страшнее, чем все бандиты, убийцы, разбойники, воры, которые обшиваются в моем ателье.

– Почему? – ужаснулась я его улыбке.

– У меня с ним личные счеты. Это все, что тебе полагается знать, – отрезал Дитрих. – Есть то, что я никогда ему не прощу. И не успокоюсь, пока не ударю его в самое больное место, не вырву заметкой его сердце, не брошу его на пол, и не растопчу.

Не знаю, о чем это он, но у меня тоже были условия.

– Итак, я согласна играть твою родственницу. Но! – подняла я палец вверх. – При условии, что ты дашь мне десять тысяч риалей! Я хочу выкупить свою лавку. После того, как все закончится, мне нужно будет куда-то возвращаться. Я думаю о своем будущем.

– По факту меня не интересует твоя мастерская. Меня интересует подвал, – заметил Дитрих, разбирая бумаги. – Там вполне поместится еще одна моя типография. А что? Сверху какой-нибудь магазинчик, кафе, мастерская, а внизу – надежно спрятанная типография. И то, и другое приносит мне прибыль. У меня половина города так живет. Так что я предлагаю тебе остаться на своем месте, когда все закончится.

– Ну уж нет! – представила я, глядя на Дитриха. – Лучше деньги. А типографию размещай, где хочешь!

– Мне проще выкупить помещение и посадить туда другую швею! – заметил он, морщась и брезгливо отстраняя от себя бумажку.

Я посмотрела себе под ноги. Это были заметки, которые приносили и присылали Дитриху.

– Мне проще заработать деньги и никакой типографии там не будет! – гордо произнесла я. – И вообще, я могу сказать об этом королю!

– Тебя же первой и заметут, – заметил Дитрих, вскинув бровь. – Королевской благодарности не существует. А тобой очень заинтересуются. Сейчас казна переживает не лучшие времена, поэтому король стал ужасно жадным до чужого имущества. Король не любит быть кому-то обязан, так что если я однажды буду проезжать мимо твоей опустевшей лавочки, я глубоко вздохну и задерну шторы.

– Тогда я заработаю эти деньги! И вам моя мастерская не достанется! – твердо сказала я. – А теперь, позвольте мне уйти! У меня много работы! А скоро придут заказчики!

Глава одиннадцатая

Я направилась к двери и дернула ее изо всех сил.

– Ладно, уходи. Я даже провожу тебя, – заметил Дитрих, когда мы вышли в коридор, где собрались слуги.

– Вы что-то быстро на этот раз, хозяин, – заметил дворецкий. – С дамой! На вас это не похоже! Уж не заболели ли вы случайно?

– А! Это моя бедная родственница, – заметил Дитрих, – Позор семьи. Три раза сбегала под венец, и три раза ее возвращали обратно. Два раза приносила в подоле, но ей сказали, отнести обратно, где взяла! Так что дама ненадежная, поэтому за ней стоит внимательно следить!

– Да что вы говорите! – возмутилась я, глядя на заинтересованных слуг.

– Правду, дорогая, правду. Мою правду, – усмехнулся Дитрих, а ему тут же поднесли одежду. И ни сказав ни слова, он тут же вышел за дверь.

– Пройдемте в комнату, «мада... музель», – потребовал дворецкий, пока остальные слуги запирали двери. Значит, так, да? Ну хорошо!

Меня отвели в комнату на первом этаже. Я выждала, когда обо мне забудут, и распахнула окно. Через три минуты сопения и одного «бух», я отряхнулась и направилась в свое ателье.

– Мадаммузель! Тьфу! – сплюнула я, видя, что уже светает.

До ателье я добралась достаточно быстро, видя, как сонный город постепенно оживает. Открывались витрины, лавочки, и первые покупатели уже звонили в колокольчики.

– Еще чуть-чуть, – уговаривала я себя, видя знакомый поворот. Дверь моей мастерской была закрыта. Видимо, захлопнулась от ветра. А ключ остался внутри.

Быстро перебежав через дорогу, я вошла в храм богини любви, видя, как Бесподонный Елауарий украшает его розами.

– Не могли бы вы открыть мне дверь? – спросила я, вдыхая головокружительный аромат.

– Я сейчас подойду, дитя мое, – миролюбиво заметил Елауарий. – Только труп закопаю!

Я посмотрела на лежащего возле скамеек мужика. Мне были видны только его сапоги.

– Жених? – спросила я, сочувствуя бедняге.

– Нет, свидетель, – выдохнул Бесподобный Елауарий.

– Со стороны жениха или невесты? – спросила я, видя приготовленную лопату.

– Со стороны обвинения! – все так же блаженно протянул Елауарий, беря лопату и труп за ногу.

Я вернулась к мастерской, раздумывая над тем, что какая-то записка стоит целых три риала! Три!

– Спешу на помощь, дочь моя! – вздохнул Елауарий, сверкая розовыми одеждами с длинными рукавами. – Сейчас силой молитвы мы откроем двери.

Пока он молился: «Ептить – капец-капец-капец!», я скрипела зубами. Столько денег за пару строчек! Столько денег! Тут семь риалей едва наскребаешь!

– Готово, – блаженно улыбнулся Бесподобный Елауарий, показывая мне на открытую дверь. – Вот что сила молитвы богине любви творит!

У него из рукава выпала связка отмычек. Он осмотрелся и поднял их с пола, засунув обратно в рукав.

– Сила молитвы богине любви и капелька стараний. Но в основном это богиня! – поправился он, направляясь к своему храму. Мне хотелось спросить его, как так получилось, но к ателье уже подошли девушки.

Я дико извинялась, и они сменили гнев на милость, когда я взялась дошивать платье прямо на завтрашней невесте, ползая вокруг нее с волшебной иглой, которую купила за невероятные деньги!

Пока иголочка подшивала подол, я пришивала к юбке дешевые бусинки. Невеста и ее подруга болтали о свадьбе, погоде и угощении, которое удалось умыкнуть с господского стола.

– Слышала, что вчера произошло у моей бывшей? – негромко спросила невеста. – Вот это скандалище. Мне ее горничная рассказала. Мы с ней до сих пор дружбу водим!

Обычно я не слушала то, о чем говорят клиенты. Но на этот раз мне самой было интересно!

– Это что? У скупердяйки Флери? Ну, ну, рассказывай! – оживилась вторая, пока я вышивала простенький цветочек. Но даже он красиво сверкал, и издали казалось, что платье стоит намного дороже, чем на самом деле!

– Вчера муж уехал на собрание, хотя мы знаем, куда он направился на самом деле! К ней приехал любовник! Барон Шор! Они давно шашни крутят. Пока они в спальне охали и ахали, так что люстры тряслись, муж вернулся! Ему, видать, сказали, что жена изменяет. Так вот, услышав карету мужа, графиня и ее горничная быстро барона в доспехи запихнули и забралом прикрыли. Ну ты знаешь, что граф Флери обожает всю это рыцарскую ерунду. У него весь дом, как замок, – смакуя детали, рассказывала невеста.

– И? И? – нетерпеливо заерзала ее подруга, сидя в кресле.

– Флери легла, мол, болеет. Муж искал везде, в шкафах, кладовках, сундуках. А этот у него под носом стоял. Поискал муж, и успокоился. Вечером он сидит в своем кабинете, как вдруг ему по плечу железная рука постучала. Короче, граф от страха теперь при смерти лежит. Доктора говорят, что день – два. Сердце слабое.

Я слотнула, заканчивая платье. Взяв полриала, я проводила девушек и наигранно вежливо попрощалась.

– Три риала, – прошептала я, вспоминая историю. – Это же та история, которую вынюхивает Дитрих... Три риала. Я могу заработать три риала! Если, конечно, меня никто не опередит! Но мне нужны деньги, чтобы выкупить мастерскую! И три риала – это хорошие деньги! С чего-то нужно начинать, не так ли?

Меня ужасно мучила совесть, поэтому я закрыла дверь и направилась в храм богини любви.

– Бесподобный Елауарий, – позвала я, входя в гулкую прохладу.

– Входи, дочь моя, – вздохнул Елауарий, колпачком гася огарочки свечей.

– Мне нужно исповедоваться перед богиней, – прошептала я, кивая в сторону двух розовых занавесок.

– Конечно, – согласился Елауарий. – Проходи...

Я уселась на скамеечку, глядя на свои нервно сжатые в замок руки. Рядом, за тонкой стенкой с резной решеткой в форме сердец послышался шелест и скрипы.

– Бесподобный Елауарий, – прошептала я, вздыхая. – Я тут услышала одну историю, и хочу написать про нее в газету... Но это как бы неправильно. Я ее подслушала и хочу на ней заработать! И у одной графини будут неприятности! Большие!

Я рассказала ему эту историю, а потом снова вздохнула.

– Разве есть грех в том, что любовь победила? – спросил Бесподобный Елауарий.

– Да, но зарабатывать на этом... – заметила я неуверенным голосом.

– Это ведь тоже любовь! Любовь к деньгам! Скажи мне, согласна ли ты, прожить с деньгами всю жизнь? И в горе, и в радости, и в болезни, и в здравии! До самой смерти? – спросил Бесподобный Елауарий.

– Согласна, – согласилась я, представляя, как вытягивается лицо Дитриха, когда я гордо показываю ему кукиш и документы на лавочку.

– Ну вот видишь? – заметил Елауарий.

– А откуда взялись наши имена в книге? – спросила я, вспомнив, что хотела спросить.

– Вот что делает молитва богине любви! – смиренно заметил Елауарий.

Я вышла, понимая, что нужно попробовать. В часовню уже входила очередная пара. Через пару мгновений я добежала до лавки, открыла ее и бросилась на второй этаж. Потом вернулась и перевернула табличку на «Закрето»!

Из старого сундука я достала стопочку бумаги и перо. Осмотревшись по сторонам, я села писать статью, вспоминая, что говорил Дитрих. Несколько скомканных бумаг валялось на полу, пока я задумчиво покусывала перо.

Статья была готова. Она получилась длинной, потому что в ней было много подробностей и эпитетов, которыми я щедро награждала всех героев истории.

Я уже хотела подписать ее своим именем, как вдруг остановилась. Если кто-то узнает, что это была я, то ко мне больше ни один клиент не придет! Нужно что-то придумать!

Я уже собиралась искать конверт, как вдруг понюхала бумагу. Она пахла сыростью и мышинными какашками.

– Не пойдет, – нахмурилась я, задумчиво осматривая комнатушку.

Мой взгляд упал на флакон дорогих духов «Мадам Пикон», которые я купила у одной вороватой горничной, чтобы брызгать платью. Клиенты стали жаловаться, что свадебные платья пахнут мышами, и мне пришлось затянуть пояс потуже и купить начатый флакончик, у вороватой служанки, продающей безделушки своей престарелой хозяйки. Но потом мне стало жалко столь дорогие духи, и я купила дешевые. А эти оставила себе.

Во времена давно ушедшей молодости Мадам Пикон была первой красавицей и кокеткой. Но потом доктора заменили любовников, в рот она брала только градусники, а вскружить ей голову могло только утреннее недомогание.

Это были уникальные духи с секретом, когда-то давным-давно созданные специально для заказчицы. Другого такого аромата в мире не существовало.

По комнате пополз сладкий, обворожительный аромат заморских цветов и пряностей. Он был дерзким и очень стойким, ведь новый флакон когда-то стоил три тысячи риалей! И было за что! Бумага больше не пахла мышами.

– Мадам... – подписалась я для солидности. И тут же решила бросить тень на репутацию покойной старушенции. Тень долго искала место на репутации, но так и не нашла. – Мадам Пикон!

Для верности я сбрызнулась своими дешевыми духами, переделалась и спрятала лист в складки юбки.

Дверь кто-то выламывал, и я поспешила вниз. В окне маячила строгая девушка в темном, наглухо застегнутом платье. Отворив дверь, я пустила внутрь Красотку Мэй.

– Ох! Я уже испугалась, что ты не работаешь! – усмехнулась она, развратно поставив ногу на стул. – Платья готовы?

– Да, да, – засуетилась я, вытаскивая одно за другим яркие, развратные платья.

– Отлично, дорогуша! Отлично! Вот я тебе еще принесла! – заметила красотка Мэй, а я краем глаза увидела, что на ней нет панталон. Она осторожно достала несколько вульгарных нарядов из чемодана и вывалила мне на стол.

– Ты чего так вырядилась? – спросила я, глядя на разорванные платья. Опять! Я их штопала уже по сто раз! И они каждую неделю возвращались ко мне.

11.3

– У меня же отец в полиции работает! Не хочу, чтобы он что-то заподозрил! – усмехнулась она, расстегивая душный воротник. На ее шее красовался внушительный засос. – Только

смотри, душечка! Ты там сильно не усердствуй. Вчера клиент не смог порвать на мне платье!
Он проплакал все оплаченное время и больше не вернулся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.